

ТАЁЖНЫЕ БЫЛКИ

ВИКТОР ЗУБАРЕВ

Виктор Зубарев

Таёжные были

«Издательство «Союз писателей»

2023

УДК УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Зубарев В. А.

Таёжные были / В. А. Зубарев — «Издательство «Союз писателей», 2023

ISBN 978-5-00187-319-8

Эта книга включает в себя повести и рассказы об удивительной жизни людей, посвятивших себя такому сложному, многогранному, но в то же время невероятно увлекательному и благородному делу, как охотоведение. Для одних из многих тысяч людей охота является простым увлечением, а для других – средством существования или даже образом жизни. Герои книги – молодые практиканты, опытные охотники и егеря, искренне и беззаветно влюблённые в природу своей Родины, – сначала осторожно знакомятся, а затем и посвящают свою жизнь изучению и охране животного мира в необъятной, богатой, со своими законами и укладом, прекрасной Тайге. Увлечённые, в первую очередь, романтикой этой профессии, они будут пытаться формировать правильное понимание охоты, им придётся вести внутреннюю борьбу с противоречиями, присущими этому роду деятельности. Увлекательные приключения, полные опасностей, красочные, живые описания красивейших пейзажей Горного Алтая переплетаются с горькими, щемящими душу рассказами о браконьерстве, бездушном отношении к лесным обитателям. В книге автор напоминает о вечных законах выживания представителей животного мира в дикой среде и их умении приспосабливаться к новым условиям сосуществования с Человеком, подчиняясь природному инстинкту продолжения рода. Сквозь призму восприятия событий главными героями читателю даётся шанс ещё раз задуматься над вопросами бережного использования природных богатств, понять разницу между рациональным потреблением и варварским уничтожением, оценить важность гармоничного сосуществования Человека и Зверя.

УДК УДК 82-32

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00187-319-8

© Зубарев В. А., 2023
© «Издательство «Союз
писателей», 2023

Содержание

Таёжные были	7
Часть первая. Искатели приключений	7
Часть вторая. На промысле	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктор Александрович Зубарев

Таёжные были

© Зубарев В. А., текст, 2023

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2023

© ИП Соседко М. В., издание, 2023

Таёжные были

Повесть

«Я сам не знаю, можно ли вполне верить всему тому, что сохранила моя память. Если я помню действительно случившиеся события, то это можно назвать воспоминаниями не только детства, младенчества. Разумеется, я ничего не помню в связи, в непрерывной последовательности, но многие случаи живут в моей памяти до сих пор со всею яркостью красок, со всею живостью вчерашнего события...»
Сергей Тимофеевич Аксаков

Часть первая. Искатели приключений

Пролог

В купе одного из вагонов отходящего поезда Москва – Новосибирск втиснулись необычные, точнее, отличающиеся своей экипировкой от основной массы пассажиров, трое молодых людей. На спине у каждого громоздились внушительного размера рюкзаки, ружья в чехлах. Несмотря на тёплый день в последних числах августа на излёте семидесятых лет двадцатого столетия, одеты они были уже по-осеннему: поверх спортивных костюмов на них были модные в то время штормовки из брезента цвета хаки. Но что особенно отличало их от остальных пассажиров – это то, что каждый из них держал на поводке по собаке. Собачки представляли собой приятное зрелище: все они были породистыми русско-европейскими лайками, которых отличает от других пород лаек контрастный чёрно-белый окрас. У них у всех были приятные симпатичные мордашки и круто завитые в бублик хвосты. Шерсть у них лоснилась и блестела, указывая на то, что за ними хорошо ухаживали. Они испуганно и растерянно шарахались в стороны, натянув поводки. Недоумённо озираясь по сторонам, пытались понять, что с ними происходит, но при этом полностью доверяясь своим хозяевам.

Поезд тронулся. Все трое переглянулись и облегчённо вздохнули: позади нелёгкие хлопоты и тревоги, связанные со сборами и предшествовавшей дорогой до железнодорожного вокзала. Это были студенты – будущие охотоведы «образца 1980 года», направлявшиеся на практику в таёжный Горный Алтай. Наконец они собрались вместе и ехали навстречу неизвестным приключениям, полным романтики и энтузиазма. Эта тройка – всего лишь капля в море от числа тех, кто прошёл первый курс обучения охотоведению в их отдельно взятом учебном заведении – Московском пушно-меховом техникуме. Уже стало традицией: ежегодно в рамках учебного процесса примерно в это же время студенты-первокурсники – будущие охотоведы среднего звена – разъезжались из Москвы в разных направлениях по всей огромной матушке России, но преимущественно по таёжным местам в поисках своей романтики. Там, на предписанных им местах, они на практике будут закреплять полученные теоретические знания. И каждый из них хотел непременно попасть на практику именно туда, где простиралась глухая тайга с её несметными богатствами. А этих молодых людей ждал красивый и таинственный, гордый и недостижимый доселе Горный Алтай, о котором они могли только мечтать и знали только из книг. Впереди было время открытий и знакомства с этим краем.

Впрочем, они не были первооткрывателями – на просторы Горного Алтая давно была проторена дорожка старшими поколениями, которые, естественно, не преминули оставить

после себя множество всяких рассказов и небылиц о своих приключениях и красотах горной страны, что ещё больше влекло в этот таёжный край новых романтиков. Так что, данное место практики пользовалось у студентов-охотоведов особой популярностью.

Внешне все они были спокойны и важны, будто едут уже не в первый раз. Что же на самом деле творилось в душах у этих молодых людей? Конечно, их не могла не тревожить абсолютная неизвестность: что ждёт там, в таёжной дали, чем они будут заниматься? Но зеркало души – глаза – у каждого отражали только нескрываемое счастье. И это их объединяло.

1

Трудно сказать, по какой причине порой совершенно разные по складу характеров и привычкам люди вдруг становятся единомышленниками. С большой долей истины можно допустить, что это происходит случайно. Вначале возникает просто взаимная симпатия друг к другу. Затем, со временем, выясняется, что у них общие интересы, появляются общие темы для разговоров. И после этого уже можно сказать, что у них сложились приятельские отношения, пока – приятельские. Суждено ли перерасти этим отношениям в дружеские – вопрос времени. Лишь время всё расставит по своим местам и вынесет окончательный вердикт – правильно ли распорядилась судьба, соединив между собой тех или иных людей одной неразрывной ниточкой. Или, наоборот, эта ниточка окажется непрочной, что не выдержит малейших испытаний в отношениях между людьми.

Вот примерно так и, конечно же, абсолютно случайно свела судьба в одной комнате общежития вышеупомянутого техникума пятерых молодых парней, приехавших из разных мест нашей огромной страны. Одним из этих ребят был и я, молодой человек двадцати двух лет от роду. Оказались мы здесь по одной простой причине: почти все мы в разной степени увлечены были одной страстью – охотой. И в это учебное заведение привёл нас тот самый интерес. Впрочем, кто-то просто любил природу и животных, хотел узнать о них больше, а затем работать во благо им. Были, конечно, и исключения – кто-то выбрал этот техникум из любопытства или просто наугад. Нам повезло ещё и в том, что все мы оказались нормальными, коммуни-кабельными ребятами. Продукты покупали в складчину, готовили и прибирались в комнате по очереди. Каких-то недоразумений на этот счёт не возникало. В часы досуга вместе ходили в кино, часто прогуливались в лесочке, расположенном как нельзя кстати, сразу за зданием общежития. И всё-таки та невидимая душевная ниточка связала меня только с Игорем и Владимиром. Дальше, в процессе учёбы, мы зачастую невольно оказывались в одной компании. Думаю, что и решение поехать вместе на практику в Горный Алтай созрело благодаря нашим общим интересам и пристрастиям.

...Те самые, не очень вписывающиеся в общую толпу молодые люди, которые садились в поезд до Новосибирска в один из последних летних дней, и есть наша дружная компания.

Самому старшему из нас – Игорю – было двадцать четыре года. Он коренной москвич. Давно отслужил в армии, работал на заводе. С юношеских лет увлёкся охотой. Пожалуй, наиболее «подкованный» теоретически и практически из нашей группы по части охоты и оружия. Даже занимался стендовой стрельбой. Как он сам признавался, столичная суета порядком ему поднадоела, и он мечтал вырваться из её тисков в какую-нибудь лесную глушь, чтобы можно было от души поохотиться. Был он среднего роста, но выглядел коренастым, ладным мужиком. При разговоре у него на лице всегда присутствовала улыбочка, чуть надменная, свойственная, наверное, многим москвичам. А ещё чувствовалось, что он как бы старался скрывать свою улыбочку, едва приоткрывая рот. Я потом понял, что этой уловкой он скрывал отсутствие одного верхнего зуба, ловко прикрывая прореху языком. Из-за этого у него часто получалось некое

причмокивание. Но когда он разражался смехом, а это у него получалось тоже красиво и зарачительно, недостаток играл на пользу Игорю: глядя на него, тоже становилось смешно. И это ещё больше располагало к нему и вызывало симпатию. Сейчас его украшали кудрявая шевелюра из жёстких тёмно-русых волос, аккуратно подстриженные усы и уже хорошо заметная, недельной давности густая, щетинистая бородка. Как-то он уже отращивал вполне внушительную бороду, которая была ему очень к лицу, за что получил от однокурсников уважительное прозвище «Дед». Его четвероногим спутником-питомцем был трёхгодовалый кобель Буран, приобретённый Игорем совсем недавно уже взрослым кобелём. Рослый и крепко сложенный преобладающего чёрного окраса, он внушал одновременно и доверие, и опаску. Избегал ласки не только от посторонних людей, но без удовольствия принимал её и от хозяина. К своим четвероногим спутницам внимания вообще не проявлял – одним словом, важный господин.

Одна из молодых сук, почти полностью белой масти с небольшими чёрными отметинами на мордочке и боках, по кличке Лада принадлежала Володе, самому младшему из нашей троицы – ему исполнилось двадцать лет. Он был родом из недалёких подмосковных Шатурских мест, знаменитых своими лесами и болотами, богатыми разнообразной дичью. Страсть охотничья в нём горела так, что для выхода этой энергии более подходящего места, чем горно-алтайская тайга, трудно было найти. Особенности тех мест, где он вырос, научили его многому. Несмотря на молодость, за его плечами уже был солидный охотничий опыт. В нём усматривалась какая-то мужицкая удалая, бесшабашная хватка. Темноглазый и чернобровый. Такие же тёмные курчавые волосы спадали к шее и вискам небольшими колечками, а на лбу красовались озорной выщепившейся чёлочкой, как у казака – ему не хватало кубанки, озорно сдвинутой набекрень. Да и штаны с лампасами и шашкой на боку ему точно бы подошли. Так и хотелось спросить, нет ли у него в роду казаков. Володя имел привычку выпячивать толстые мясистые губы вперёд, создавая впечатление, что очень чем-то озабочен. А может быть, в самом деле, так и было. Наверное, с детства осталась привычка. Можно сказать, что и его добрая улыбка тоже обезоруживала и вызывала симпатию, чем он иногда и пользовался, выпрашивая у однокурсников, особенно у девочек, конспект по какому-то пропущенному занятию. Как известно, наш народ умеет тонко подмечать некоторые черты характера – вот и в нашей группе с чьей-то лёгкой руки Владимир заполучил прозвище «Матёрый». На первый взгляд казалось, что совсем не вяжется к нему это прозвище. Я уже не мог припомнить, по какому поводу и когда это произошло, но этот «титул» крепко прилип к нему, видимо, всё-таки оказался очень метким и судьбоносным. Сам хозяин вновь обрётённого прозвища не возражал, даже делал вид, что ему безразлично. Но иногда, слышав от кого-то из однокурсников оклик «Матёрый», расплывался в нескрываемой довольной улыбке – ему льстило такое обращение. Но на книжного романтика он не тянул и особого интеллекта не выказывал. В каких-то студенческих спорах почти не участвовал. О таких людях говорят: был себе на уме. Теория – это не его конёк. Его больше увлекала практическая сторона дела, и страсть к приключениям не была ему чуждой.

О себе могу сказать лишь одно: находясь по возрастной иерархии в серёдке, я олицетворял, наверное, истинную «золотую середину» меж двумя своими спутниками и внешне, и по характеру, играя роль некоторого баланса между немного горячим, слегка бесшабашным Володей и чересчур уравновешенным и мудрым Игорем. В отличие от моих товарищей, мне «посчастливилось» уже почти сутки протрястись в поезде из Ульяновска до Москвы. В течение полуторамесячных каникул, проведённых дома у родителей, меня не покидали мысли о предстоящей практике, отчего я, наверное, получил мощный заряд энтузиазма. Так что, вряд ли какое бы то ни было обстоятельство могло меня огорчить. До поступления в этот техникум я уже испытал горечь неудачи от провала в институт годом раньше. После службы на флоте пытался осуществить свою мечту стать охотоведом, но за три года знания притупились – первый же вступительный экзамен по физике в Кировском сельхозинституте с позором был провален (до сих пор не могу понять, зачем будущему охотоведу закон Бойля-Мариотта, ока-

завшийся в том злополучном билете?). Но от своей мечты не отступился, искал другие возможности, готовился. И на следующий год удача мне улыбнулась, пусть рангом и пониже, зато приближала к мечте. Небольшой опыт следопыта имел, но серьёзных охотничьих навыков у меня практически было мало – так, баловство до службы. Зато книг об охоте прочитал уже достаточно, в теории знал многое. Впервые настоящее легальное охотничье ружьё купил здесь, в Москве, перед отъездом. Собаку приобрёл здесь же, недалеко от Сходни, – семь месяцев назад вместе с Володей мы выбрали по щенку у известного в местных кругах заводчика лаек, взрастили их на студенческих харчах, дав им первоначально физическую крепость и выносливость, тщательно выгуливая в соседних лесных окрестностях. Свою лайку назвал Аза – чем-то она мне напоминала цыганочку. В отличие от своей сестры Лады, Аза была почти вся чёрная. Лишь белое пятно на груди в виде треугольника да белые «тапочки» на всех лапах.

2

Позади трое суток нудного, надоевшего мелькания придорожного пейзажа, первое время радовавшего своей новизной и быстрой переменой. Как и многие другие пассажиры любого поезда, каждый из нас подолгу неотрывно смотрел в окно на проскакивающие мимо электрические столбы, деревья, дома и полустанки, поля и реки и прочее, прочее, прочее... Пока глаза не уставали. За таким занятием, как правило, незаметно пролетало время и ни о чём не думалось. Мимо пролетали города и веси, меняли друг друга районы и целые области нашей необъятной страны.

И вот, прекрасным тёплым вечером мы прибыли в Барнаул. На железнодорожном вокзале возникли некоторые затруднения с такси, так как водители неохотно соглашались брать «обременённых» собаками пассажиров. А нам нужно было перебраться в аэропорт. Но как хорошо, что люди добрые на пути встречаются – нашёлся человек понимающий!

В аэропорту, на удивление, нам снова повезло – добрая кассирша быстро оформила билеты на самолёт ЯК-40 до Бийска, без малейшего удивления и лишних вопросов оформив проездные и на собак. Зато при посадке нас тщательно проверили на предмет законного провоза оружия и боеприпасов. Всё соответствовало правилам. Уже ночью мы благополучно приземлились в аэропорту города Бийск. Утром нам подсказали, что до нужного пункта назначения – города Горно-Алтайска – можно нанять частный транспорт. В результате недолгих поисков сговорились с хозяином жёлтого, далеко не новенького «москвича», который за приемлемую плату, несмотря на солидный багаж и собак, согласился довезти нас до столицы Горно-Алтайской автономной области. Там нам предстояло в местном Облпотребсоюзе (была когда-то такая серьёзная организация) зарегистрироваться и получить направление в один из коопзверопромхозов.

Этот путь дался нам сравнительно легко. Невероятно, но мы как-то уместились в этом стареньком «москвичонке». И он нас не подвёл: ехали небыстро, но и без лишних остановок. Правда, где-то на первых километрах пути выяснилось, что не все собачки легко переносят тряску в автомобиле: больше всего причинила проблем моя Аза. Из-за неё пришлось останавливаться и чистить салон. Хозяин автомобиля оказался человеком не придирчивым и терпеливым – особого недовольства по этому поводу не высказывал. Более того, узнав о том, кого ему предстоит везти, сразу проникся к нам уважением. Оказывается, тоже был охотником-любителем. К тому же, как и все любители этого поприща, был весьма словоохотливым и по пути рассказывал о некоторых достопримечательностях своего края. Он представился Геннадием Тимофеевичем.

Дорога пролегла вдоль известной и одной из самых красивых горных рек Алтая – Катуня, левого притока великой сибирской реки Обь. Иногда можно было видеть из окна бурлящую, разрываемую огромными валунами стремнину реки, зажатую меж древними гор-

ными скалами. Местами её пойма была разделена небольшими островами на отдельные протоки, отчего складывалось впечатление, что течёт здесь две или три разных реки. А иногда она выглядела широкой, полноводной рекой, могучей и чистой, с зеленоватым отливом, какими бывают горные реки, когда они, набушевавшись в узких скалистых берегах, вырываясь на широкий простор, словно отдыхая, плавно и умиротворённо несут свои воды. Доброжелательный гид рассказал нам, что Катунь на алтайском языке означает «барыня». И действительно, это название очень подходило этой величавой реке. Там, где дорога приближалась к ней наиболее близко, Тимофеевич останавливал машину, чтобы дать возможность гостям полюбоваться природой. Разминка от поездки в тесной машине нам тоже была очень необходима. Благодаря ему же, мы узнали о селе Сростки – родине Василия Шукшина – которое располагалось чуть в стороне от нашего пути.

Так, в разговорах и рассказах мы незаметно добрались до пункта назначения. Найдя нужный адрес, мы поняли, что прибыли не совсем удачно – был выходной день, и нас никто не ждал. В дорожной суматохе, находясь во власти впечатлений, мы даже не заметили этого.

В буквальном смысле пришлось бы нам ночевать под звёздами, если бы не добрые люди. Каким-то чудом приметил в потёмках трёх неприкаянных «человечков» с собаками и багажом местный житель. Полюбопытствовав и выяснив, кто мы такие, сжалился над нами и добродушно предложил свой кров. Он, поистине, был ниспослан Богом. Как выяснилось, это был местный сезонный охотник – промысловик. Жил одиноко в своей квартире, которую покидал надолго во время сезона промысла. Оттого, может быть, и позвал к себе – всё веселее. Не только ночлег нам предоставил, но и ужином накормил. У Игоря очень кстати завалилась бутылочка «Столичной». Собачек определили в сарае возле дома. В этот вечер, наверное, и состоялось наше заочное знакомство с нелёгким таёжным житьём. Нам даже просить хозяина не пришлось – он сам, наскучавшись в одиночестве, да под воздействием (не без этого) водочки, с некоторым бахвальством поведал несколько историй из своей жизни в тайге, на промысле. Я внимательно слушал рассказчика. Хоть и чувствовал, что охотник иногда привирает, но делал вид, что мне интересно. Впрочем, не вправе я был судить о правдивости слов этого доброго человека, потому как не имел ни малейшего представления о таёжной жизни. Готов был слушать сколько угодно. Володя тоже слушал, приоткрыв рот, тактично кивал головой в знак согласия, показывая, что он весь внимание. Один Игорь недолго слушал, затем скептически махнув рукой, улёгся спать.

Утром в воскресенье нам предстояло как-то занять себя. Решили погулять с собаками. Взяв их на поводки, вышли на улицу. Но тут же поняли, что гулять по городским улочкам будет неуютно, так как приезжих столичных собачек здесь повсюду встречали далеко не дружелюбно местные свободные псы, близкие к породе лаек. Игорь с трудом удерживал своего Бурана на поводке – тот рвался в бой и готов был показать местным забиякам кузькину мать. Так что, от греха подальше пришлось искать место выгула на окраине города. Узнать достаточно его окрестности ещё не удалось, но одна из окраин видна была совсем рядом. За крайними домами начинался крутой подъём на гору, возвышавшуюся над городом. Поэтому его пределы мы покинули довольно быстро. Выбрали более пологий склон с извилистой тропинкой. Нам представилась панорама: внизу под нами, в ложбине меж двумя невысокими параллельно расположенными горными отрогами, вытянутыми с востока на запад, раскинулся красивый городок. Северная и южная его окраины находились друг от друга на расстоянии, наверное, не более двух километров. Кое-где они расширялись, будто растекались в стороны, оттесняя подножия гор и заполняя пологие склоны. Казалось, город лежал на гигантской сказочной ладони. Ещё мне пришло в голову сравнение: с высоты склона, на который мы поднялись, такое расположение напоминало гигантского кальмара, от внушительного туловища которого в разные стороны тянулись щупальца.

Наверху открылось небольшое зелёное плато, похожее на альпийский луг с высоким разнотравьем, окаймлённое вдали молодым сосняком. Метрах в трёхстах от нас паслось небольшое стадо овец и коз. Пастуха не было видно. Наверное, никто не посягал на скотину, поэтому и не было в нём нужды.

Мы решили, что пора дать волю своим собачкам, и отпустили их с поводков, не предвидя абсолютно никаких проблем. Денёк выдался на славу. Солнце было уже высоко. Слегка пожелтевший, но всё ещё густой травяной покров притягивал к себе, заманивал в свои объятия. Мы улеглись на траву, вспоминая вчерашний день и делясь своими впечатлениями от увиденной красоты этого края. Две молодые суки устроили возню между собой, гоняясь друг за другом, – дети есть дети. Буран же, обнюхав близлежащие кочки и оставив свои метки, незаметно скрылся с глаз. Сколько времени прошло, никто не заметил, только кто-то из нас троих вдруг обратил внимание на шумное и беспокойное поведение овец и коз, которые испуганно блеяли и металась по лугу. Меня пронзила неприятная догадка, когда я не увидел рядом этого своенравного пса. Видимо, об этом же подумали и Игорь с Володей. Мы побежали в сторону мечущихся овец. Нам открылась неприглядная картина: Буран, будто волк, обезумев от ярости, держал за заднюю ногу молодого барашка. При этом рычал, не разжимая челюсти, как страшный зверь. Ему хоть и было уже три года, но в лесу бывал мало и явно ещё не отличал лесную дичь от домашней скотины. При виде пасущихся на вольных хлебах овечек в нём неожиданно проснулся охотничий инстинкт. Не сразу удалось вырвать «добычу» из пасти разъярённого пса. Игорь на правах хозяина схватил его за загривок и тряс из стороны в сторону; Володя слегка пинал его по морде, чтоб тот отпустил; я тащил барашка на себя. Со стороны, наверное, выглядело смешно. Никакие команды «Фу!» и «Нельзя!», приправленные крепким матом, на Бурана не действовали. Тут Игорь догадался надеть на него ошейник, и... удивительно – пёс тут же разжал челюсти. Слава Богу, с облегчением вздохнули, когда барашек вырвался и поскакал прочь на всех четырёх ногах. Наверное, несильно порвал его Буран. Мы с опаской огляделись – не видит ли кто этого безобразия из местных жителей – и позорно ретировались со своей сворой с места «преступления». Скатились с сопки и уже на окраине города перевели дух. Виножник разбоя, всё ещё разгорячённый, высунув свой язык из пасти, часто и с хрипом дыша, усиленно тащил своего хозяина, демонстрируя свою мощь и удаль. Будто торопился похвастаться перед местными склочными псами своими подвигами, готовый вновь сорваться в очередную схватку. Дед хоть и огорчён был происшествием, но на лице проскальзывала самодовольная улыбка, обнажавшая нечаянно прореху в ровном красивом ряду верхних зубов, отчего он по привычке вновь защёлкал языком, прикрывая щербину. Душу охотника тешила надежда, что собака должна показать себя по зверю неплохо..

3

В понедельник к обеду наконец все формальности были соблюдены, нам выдали направление в Турочакский КЗПХ. И лишь только утром следующего дня, распрощавшись с приютившим нас добрым охотником, мы погрузились в местное средство транспортного сообщения между таёжными посёлками, именуемое попросту «кукурузником». Через полчаса уже болтались в воздухе на оглушающе ревящем и вибрирующем средстве передвижения. Иногда случавшиеся провалы в воздушные ямы мне точно не доставляли удовольствия, даже предательская мысль подкралась – не развалится ли эта воздушная колымага в воздухе? Я волновался за свою собаку: она плохо перенесла поездку в машине, а здесь я ожидал худшего. К счастью, всё обошлось. Судя по лицам моих друзей, они также были не в большом восторге. Но сквозь недовольную гримасу я всё же видел их сияющие радостью лица. Подобное приключение им, похоже, было всё же в удовольствие. Да и я, наверное, испытывал те же чувства. Это добавляло романтики в наше путешествие. Ну а другие пассажиры – попутчики из местных

– абсолютно не проявляли ни малейшего беспокойства, умиротворённо сидели с каменными лицами, кто подрёмывая, кто тупо уставившись в иллюминатор, привычно выжидая время посадки. Для них это было вполне естественно. Наверное, часто пользовались этим видом транспорта. Вести разговоры на борту этого «лайнера» не было абсолютно никакой возможности: можно было голос сорвать, всё равно никто бы не услышал.

Не прошло и сорока минут полёта, как Ан-2 приземлился в районном центре Турочак. Контору коопзверопромхоза искать не пришлось – каждый житель мог указать на неё. Нужно отдать должное тогдашним руководителям предприятия: без лишних проволочек определили приезжих в гостиницу местного лесокомбината. Также быстро решили вопрос, с чего нам начать свою практику и в каком качестве. Только что наступил сентябрь, и до начала охотничье-промыслового сезона оставалось вполне достаточно времени, поэтому нужно было загрузить чем-то «дармовую» рабочую силу в нашем лице. Решено было направить нас в село Бийка, что находилось от центра примерно в восьмидесяти километрах, в одноименный производственный участок.

Утром следующего дня специально выделенный для нас грузовичок с обтянутым тентом кузовом повёз нас к постоянному месту практики. Надо сказать, что из-за этого тента нам круто не повезло, так как в единственное маленькое оконце, расположенное спереди над кабиной, мы не могли наблюдать за проплывающими мимо пейзажами. А очень хотелось созерцать окрестности по пути. За время всего путешествия это вошло уже в привычку. А главное – здесь уже было, чем полюбоваться. Чем дальше мы пробирались по горным дорогам, природа становилась всё интереснее и экзотичнее. Сидя в полутьме кузова, мы могли лишь судить о качестве дороги: вначале, примерно около получаса, нас везли, наверное, по шоссе, затем дорога пошла тряская и пыльная – значит, свернули на «гравийку». О том, что она идёт в горах, я догадывался из-за частых поворотов то влево, то вправо; машина, то натужно гудя, ползла вверх, то нырляла вниз. Иногда кидал взгляд в окошечко – там видно было только маленький фрагмент всего горного пейзажа, уже начинающего пестреть жёлто-оранжевыми осенними красками. Наконец почти трёхчасовая нудная тряска, от которой у меня даже голова разболелась, закончилась. Откинув задний полוג, мы поняли, что прибыли в конечный пункт своих скитаний.

Первым человеком, с которым мы познакомились сразу же в этом селе, был начальник участка Женя Ермолин – худощавый невысокого роста мужчина. Это у его дома остановилась машина. И, судя по всему, он уже поджидал нас, копошась во дворе по хозяйству. На вид ему было не более сорока лет. Сразу расположил к себе своей доброжелательностью и простотой в общении. В нём чувствовалась хозяйская жилка: большой пятистенный дом, крепкий двор, огород. Видно, что и скотинку держал. В общем, мужик, похоже, ухватистый. И уважением селян пользовался – это было заметно в приветствиях прохожих.

Как всегда бывает в глубинке, малейшая новость быстро облетала дома и собирала любопытствующую толпу зевак. Не так часто (всего лишь раз в год, и то не каждый) приезжали в их глушь москвичи. Нас потом так и звали – москвичи. Здесь же одному из присутствующих односельчан Евгений предложил взять нас в квартиранты, с оплатой за счёт конторы. Хозяин, судя по внешности, был из коренных алтайцев. Он с радостью согласился и назвал своё имя – Илья. От того, что именно ему доверили поселить у себя москвичей, на его лице явно проступила довольная гримаса, глаза засияли, а осанка обрела сразу гордый вид. Местные сразу стали подтрунивать над ним, мол, аккуратнее там с москвичами, не умори их своими байками; кричали что-то ещё, понятное только им. У некоторых, однако, проскальзывала во взглядах лёгкая зависть к Илье. Меня и моих товарищей явно порадовало гостеприимство местных алтайцев.

Так завершился основной этап нашего путешествия – мы практически добрались до цели. Определились с жильём и в ближайшие дни готовы были заняться настоящим делом. Кстати, как объяснил Ермолин, мы можем неплохо и заработать, если захотим. Первое, что он предложил нам, – это заняться заготовкой ценного лекарственного сырья – левзеи сафлоровидной,

или маральего корня попросту, произраставшего в больших количествах на альпийских лугах Горного Алтая. Местные говорили, что маралы поедают стебли этого растения перед гоном, для поднятия тонуса. А в лекарственных целях применяется корень, тоже как тонизирующее средство, но уже для людей. Вот этот чудо корень и отправили нас добывать буквально на второй день пребывания в таёжном селе, не предоставив большой свободы распоряжаться собственным временем по своему усмотрению. Конечно, мы понимали, что прибыли сюда не ради забавы и любования красотами горного края. Но, с другой стороны, кто знает, представится ли в будущем ещё такая возможность. Поэтому нам хотелось совместить по мере возможности приятное с полезным.

4

Старенький, испытанный временем и российским бездорожьем, выносливый и неприхотливый автомобиль ЗИЛ-157, натужно ревя мотором на подъёмах, медленно пробирался по каменистой извилистой дороге. На сей раз мы ехали в открытом кузове. Сидя на мешках с разной поклажей и прислонившись спинами к рюкзакам, лицами к убегающей назад дороге, мы могли созерцать все окрестности, тем более что живописный вид открывался у нас прямо за бортом автомобиля. Я обратил внимание на одну особенность: проехав уже достаточное расстояние по Горному Алтаю, заметил, что дороги в основном проходят вдоль рек, в их поймах, обходя лишь встречающиеся скалы и курумники – нагромождение камней или россыпи. Как и многие дороги на Алтае, эта тоже шла вначале вдоль реки Бийки. Возле села эта река была относительно широка, может, до двадцати метров, но неглубокая. Даже сквозь стремительное течение просматривалось каменистое дно. Иногда русло реки проходило сквозь узкий коридор между скалами или крупными камнями. Тогда река превращалась в пенистый поток. Выше по течению, через три-четыре километра, она уже выглядела не такой мощной и полноводной. Русла как такового она уже не имела, вместо него сплошные каменистые пороги и перекаты. Несколько раз машина останавливалась, а Ермолин, открыв дверцу и стоя на подножке, рассказывал нам вкратце о местности. С его слов, эта река берёт начало из озера Кочимер у основания одноимённой горы. И недалеко от села впадает в реку Клык. Протяжённость её всего двенадцать километров.

Вскоре дорога круто повернула налево и пошла уже вдоль другой небольшой, такой же каменистой речки – правому притоку Бийки. Подпрыгивая и качаясь из стороны в сторону на встречающихся то и дело камнях, наш ЗИЛ забирался по серпантину всё выше и выше, приближаясь к подножию горы Кочимер. Наконец водитель остановил машину. Открыл капот – из-под крышки радиатора парило.

– Чуть движок не вскипятил, – сказал он.

Ермолин тоже вышел и жестом предложил нам спускаться на землю. Это означало, что запланированная часть пути на колёсах окончена.

– Так, мужики, – промолвил он, – дальше пойдём пешком. Мы у подножия горы Кочимер. В нашем районе это самая высокая гора. Высота её тысяча шестьсот метров над уровнем моря. Но нам надо будет ещё километра три подниматься по склону. Там уже работают трое мужиков из сезонников, так что вам не скучно будет. Да и подскажут, если что.

Разобрав весь выгруженный из кузова скарб, мы все, включая водителя Пашу, двинулись на подъём. А нагрузиться было чем – нам предстояло пробыть на заготовках десять дней, поэтому всем хватило груза: начальник нёс палатку, котелки и ещё что-то; в рюкзаках у каждого из нас кроме спальников и одежды были продукты для себя и для собак, а ещё и по ружью; Паше тоже что-то досталось. «Конечно, три километра не расстояние для нас – молодых людей», – так подумал я и, наверное, каждый из моих товарищей, бодро шагавших впереди. Но

Женя через пятнадцать минут остудил наше рвение, вежливо попросил не зарываться вперёд, иначе сойдём с маршрута – придётся тогда уже нас искать.

Неожиданно пошёл мелкий морозящий дождик. Когда выезжали из села, погода была прекрасная и дождя ничто не предвещало. Вначале он не причинял нам особых проблем, но чем выше мы поднимались, тем он становился более назойливым и неприятным. Штормовки уже начинали пропускать сырость. Поклажа от накопленной влаги тоже становилась тяжелее. Кроме того, мы шли ведь не по равнине, а в подъём и эта тяжесть увеличивалась с каждым пройденным метром. Собачки, уже набегавшиеся вдоволь по высокой траве, теперь смиренно трусили рядом, постоянно отряхиваясь от воды, спадающей с травы, особенно с папоротника, который, как губка, накапливал дождевые капли, а потом обливал любого, кто зацепит его.

– Ничего, парни, осталось немного, – подбадривал всех Ермолин, шагавший впереди по едва заметной тропинке. Мне нелегко давались оставшиеся метры, но я бодрился, не показывал своей усталости. Мои друзья, тоже натужно пыхтя и часто подкидывая повыше на плечи сползающие рюкзаки, шли следом, не отставая. Каждые полчаса начальник участка давал команду на небольшой привал. Полуторатысячная высота над уровнем моря уже давала о себе знать. Дышалось тяжело. Десять минут едва хватало для того, чтобы восстановить дыхание. После этого я мог лишь подумать о сигарете, но курить не хотел – одолевал кашель с непривычки. На эти ничтожные километры, как мы о них думали вначале, нам пришлось потратить более трёх часов времени. Усталые и насквозь промокшие, мы наконец вышли на вершину горы. Ещё на подходе к ней стало заметно светлее, чаще появлялись небольшие поляны с зарослями черёмухи, алтайской дикой облепихи, небольшими группками низкорослых берёз и прочей листовенной порослью. Местами путь нам преграждали скальные выходы – останцы. С солнечной стороны они были гладкие, а с северной стороны покрыты мхом. Папоротник остался в тёмном лесу. Теперь шагать мешала высокая пожелтевшая трава. Травяные поляны часто сменялись участками почти сплошного покрова белого мха, густо поросшего черничником, который, в свою очередь, был буквально усыпан крупными чёрно-сизыми ягодами.

Самое неожиданное, что нас поразило наверху, – это то, что вместо капель дождя пролетали снежинки, а поверх мха и черничника лежал снежок. Это в начале-то сентября?! Почувствовалась сразу совсем не летняя прохлада – промокшую одежду мигом продуло разгулявшимся ветерком.

Нам открылось узкое плато, прямо простирившееся вдаль, зажатое вдоль склонов негустым хвойным лесом, в основном ельником, но кое-где виднелись густые разлапистые кроны кедров. Шириной оно было, на мой взгляд, не более трёхсот или четырёхсот метров. На кромке южного склона, прислонившись к невысокой покатою замшелой скале, расположился лагерь добытчиков лекарственного сырья. Брезентовая, выдавшая виды палатка, рядом сколоченный из подсобного материала небольшой столик с двумя скамеечками. Чуть поодаль нещадно дымил костёр, над ним на длинной жердине парил ведёрный котелок. Вот и весь нехитрый вид этого лагеря. Возле костра, засунув руки в карманы брюк, в штормовке поверх телогрейки и с накиннутым капюшоном стоял коренастый, густо заросший бородою и куривший трубку мужчина лет сорока, пожалуй. Второй – значительно моложе, в противоэнцефалитной куртке защитного цвета поверх свитера, также с накиннутым капюшоном. Выглядел он немного смешно в своих широких клетчатых брюках и каких-то штиблетах, вроде кроссовок, на фоне заснеженного пейзажа. Это были двое мужичков из упомянутой артели. Третий где-то отсутствовал.

Начальник участка познакомил нас с постояльцами этого лагеря: бородатого звали Сергеем, он приехал на заработки из Турочака; тот, что моложе, назвался Лёшей – он местный, из Бийки. Третьего из них – Жоры – на стане не было. Как сказали напарники, ушёл добыть дичи на пропитание; он из соседнего района. Все они были людьми бывалыми, зарабатывали себе на

жизнь тем, что подряжались на любые сезонные работы в местных промышленных хозяйствах, кочуя из района в район.

За чаем Ермолин рассказал вкратце об основах этого промысла и, распрощавшись, вместе с Пашей отправился в обратный путь. Подкрепившись слегка, мы принялись за обустройство своего жилища: натянули палатку, натаскали лапника на подстилку, разобрали вещи. Внесли свою лепту и в заготовку дров на костёр. Игорь добровольно взял на себя роль повара – уже чистил картошку. Я отправился за водой, родник находился метрах в пятидесяти на склоне у подножия скалы. Пока ходил, успел наесться черники – последний раз я так много видел этой ягоды в Заполярье, когда однажды мне с двумя моими сослуживцами во время самоволки взбрело в голову сходить на сопки. Володя о чём-то заинтересованно расспрашивал «бывалых», а бородатый Сергей хрипатым голосом что-то рассказывал. Выпавший снежок слегка расстроил планы артельщиков, отбив желание ковырять в промозглую погоду сырой холодный дёрн, поэтому они праздно провели сегодня время, греясь у костра.

К концу дня успели сделать все необходимые приготовления. Подсушили у костра одежду. Плотно поужинав супом, стали готовиться ко сну. После тяжёлого подъёма, укутавшись в спальники и постелив ещё поверх телогрейки, согрелись наконец. Наши собаки, не привычные к ночёвкам под открытым небом и ещё хорошо помнившие в недалёком прошлом городской домашний комфорт, не пожелали устроиться где-то под кустом. Все трое посчитали, что им будет гораздо уютнее спать рядом с хозяевами, и дружно начали устраиваться в палатке. Никто из людей не возразил. Каждый, вероятно, принимал в расчёт, что так будет теплее. Лада забралась в самую глубь палатки, улеглась к своему кормильцу. Аза выбрала место у входа, согревая бок своему хозяину, то есть мне. Дед оказался в серёдке, но вот его верный Буран почему-то решил согреть не самого хозяина, а всей своей немалой массой навалился на мои ноги. Я было вначале удивился, затем порадовался такому обстоятельству – от собак исходило приятное тепло. Но меня ждала впереди одна неприятность, о которой я пока не догадывался. Друзья уже спали, слегка похрапывая, я им искренне позавидовал. Мне же что-то не спалось. В мыслях я прокручивал все события, произошедшие со мной за неделю, начиная от сборов в дорогу и заканчивая нынешним днём. Впечатлений накопилось немало. Меня немного раздражало такое состояние – чувствовал в себе усталость и понимал, что важнее было бы уснуть. Но сон не приходил. Наоборот, я был возбуждён. Посчитал причиной этому стресс из-за перемены мест, свою чрезмерную чувствительность и так далее. Порывался встать, выйти из палатки, посмотреть на небо, узнать, какое оно здесь, на полуторакилометровой высоте. Это могло успокоить меня. Но не хотелось расставаться с теплом. Какое-то время лежал, не шевелясь, пока не почувствовал, что ноги стали затекать под тяжестью Бурана. Решил сменить позу. Вот тут и возникла проблема: холёный московский пёс-аристократ вдруг зарычал недовольно на мою попытку пошевелиться. После очередной попытки Буран ещё грознее зарычал и даже попробовал укусить. Сквозь толстый спальник ему это не удалось, но я на какое-то время снова замер. У меня тоже начала закипать внутри злость, и в то же время стало смешно от такой комичной ситуации. Прикрикнув на пса, я всё-таки осторожно вытянул из-под него ноги. Он вновь прижался ко мне. Но моим ногам было уже легче.

...Утром я спал дольше всех.

5

На другой день после завтрака самый молодой из мужицкой артели, Лёша, охотно показал нам воочию, что представляет собой маралий корень и как его добывать. В последующие дни погода раздобрилась, выглянуло солнышко. Настроение соответствовало погоде. Далеко от лагеря уходить не пришлось – высокие крепкие стебли этого растения встречались повсюду. Через день-два работы мы наловчились, и дело заспорилось. Такой образ жизни мне уже был

привычен – засыпал теперь быстро. На третий день у нас с Бураном отношения наладились как-то сами собой, мы приспособились спать без помех друг для друга. Почему пёс не признавал своего хозяина, было непонятно. Дед слегка ревновал его ко мне, ворчал незлобно, но с укором в адрес обоих.

Один раз мы решили отдохнуть от уже ставшей нам рутинной работы и посвятить себя охоте на рябчиков, которых здесь было в изобилии. Да и собачек своих хотелось «промять» как следует, с пользой для них. Мы разошлись, каждый в свою сторону. Я со своей собакой решил прогуляться по южному склону. Ориентиром служило солнце. Рябчики действительно попадались часто целыми выводками. Непуганая птица, заслышав шум от собаки, взлетала лишь на ближайšie деревья и с любопытством рассматривала незнакомых существ. Мне легко удалось добыть несколько рябчиков. Затем Аза, поняв, что эта дичь вкусно пахнет, после того как помяла зубами одного из них, стала гоняться за ними. Птицы, естественно, в испуге улетали за пределы видимости и затаивались. Один раз я слышал шум взлетевшей крупной птицы, скорее всего, глухаря, но не увидел. Продолжать дальше охоту было бессмысленно. Возвращаясь на стан, услышал лай своей собаки, которая крутилась возле ствола небольшой корявой сосны. Внимательно осмотрев все сучки, я увидел на одном полосатого зверька, чуть меньше белки. Это был бурундучок. Он тревожно и негодующе стрекотал на собаку сверху, что только разжигало в ней азарт ещё больше. Она прыгала на сосновый ствол, грызла попадавшиеся ветки и хрипло лаяла. Я в этот момент был очень доволен собачкой, тоже подзадоривал её, как мог, и нахваливал. Для неё это был первый опыт общения со зверьком, пусть он и был таким маленьким, но и она, по охотничьим меркам, была ещё несмышлёнышем.

После этого небольшого практикума со своей собачкой я решил подняться выше, на альпийский луг, забраться на какую-нибудь скалу и посидеть на солнышке, оглядеть живописные дали, раскинувшиеся до горизонта. Облюбовав один из возвышающихся останцов, я вскарабкался на самую верхушку и уселся на нагретый солнцем камень. Наконец мне представилась возможность спокойно посидеть и, никуда не торопясь, рассматривать горные пейзажи, раскинувшиеся вокруг меня на много километров. Действительно, гора эта была самая высокая – все другие, которые я мог охватить взглядом, были ниже, и они не мешали мне любоваться далью. Только далеко, в юго-восточной стороне, на уровне горизонта можно было увидеть уже высокие и массивные, местами посеребрённые ледниками, гольцы. Прикрыв ладонью глаза от яркого солнечного света, я посмотрел на запад, в долину меж двумя хребтами. Благодаря карте я знал, что где-то там находится Телецкое озеро. Всё тот же Евгений Ермолин успел нам рассказать об этом живописном озере. Алтайцы его считают жемчужиной своего края, для них оно священно. Самого озера не видно было, лишь вырисовывалось широкое и длинное ущелье, уходящее на юг, похожее на продолговатую чашу. Я предположил, что в этой чаше и хранится драгоценная Алтайская жемчужина. В моём воображении оно предстало огромным голубым зеркалом, зажатым в гигантскую природную рамку из зелёных горных хребтов и обнажённых скал. Долго смотреть в эту солнечную даль было невозможно – буквально слепило глаза. Почувствовал вдруг сожаление, что не удастся, наверное, увидеть ближе это озеро, побывать на нём и увидеть своё отражение в его зеркальной воде.

Придя в лагерь, я увидел, что Игорь тоже вернулся и щипал добытого рябчика к ужину. Был чем-то явно расстроен. На мой вопрос, что случилось, ответил, что Буран куда-то запропастился. Вначале был с ним, ни на что не реагировал, безучастно бегал возле него, а потом куда-то пропал. Уже часа два, как ушёл.

Я попытался успокоить Игоря:

– Пёс, мне кажется, сообразительный. Вернётся. Что-то он серьёзное учуял и погнался. К вечеру придёт. Хотя пару раз стрельнуть в воздух не помешает.

Володя пришёл спустя час после меня. В отличие от Игоря, был очень довольный. Положив пару рябчиков в общую кучку, он рассказал, как его Лада нашла и облаяла белку. Было

чему радоваться – нашим питомцам было всего по семь месяцев. Ну а Буран действительно пришёл под вечер. Какой-то весь тяжёлый и уставший, с раздутым животом. От предложенной ему еды отказался. Мы пришли к единому мнению, что этот чересчур самостоятельный пёс поймал какую-то зверушку (может быть, зайца), как это было с барашком в Горно-Алтайске. Но здесь ему никто не помешал самому распорядиться своей добычей. По всему видно, эта собака была породистых кровей и в ней были «замешаны» хорошие рабочие качества. Но три года «прозябания в городской квартире» не дали ему развиваться и реализоваться как охотничьей собаке. А теперь он просто навёрстывал упущенное. С этого дня Буран больше в палатку не заходил ни днём, ни ночью и ночевал под кустом, вырыв себе ямку и свернувшись калачиком, как это делают все настоящие лайки. Может быть, попробовав дикой крови, он понял своё истинное предназначение – помогать человеку, а не путаться у него в ногах. Хозяину оставалось лишь направить его способности в нужное русло.

6

Десять дней, предоставленных нам на заготовку корня, пролетели незаметно. Выбравшись из урочища в назначенное время со всей поклажей и мешками с заготовленным корнем, мы поджидали машину в том же месте, откуда начинали восхождение на гору. Паша подъехал за нами под вечер. Глубокой ночью въехали в село, а утром уже были у начальника участка, сдали тут же первые плоды своего труда. Обе стороны остались довольны результатами. Ермолин сказал, что расслабляться некогда – на подходе пора шишкования, то есть сбора кедрового ореха. И что забросит нас с той же артелью в урочище... – аж! – на целый месяц. День ушёл у нас на подготовку: закупили продукты на месяц; Евгений выдал нам несколько рулонов рубероида, матрасы, одеяла и так далее. Приготовили немного досок. Всё это нужно было для устройства лагеря. Выделил нам и нехитрый инструмент. Приличное место во всём снаряжении занимали несколько пологов и упакованная в мешки полиэтиленовая плёнка. Это понадобится нам для укрытия от дождя заготовленного урожая.

Весь день вокруг нас вертелся приютивший нас в своём доме Илья. Ему нравилось общаться с нами. Он питал некоторую слабость к новым или незнакомым вещам, которые хотел бы иметь. Например, увидел у Володи бинокль – ему он стал нужен: ходил вокруг да около, умолял его обменяться на что-нибудь. У меня увидел флотский ремень, а на нём бляху с якорем – это ему тоже понадобилось. Блокнот ещё у меня выпрашивал. Игорю тоже надоедал чем-то. Забавный был мужичок. Ермолин говорил, что язычество далеко не изжито в душах у алтайцев; это у них в крови – поклонение идолам. Возможно, тяга к красивым и необычным вещам – это и есть часть тех самых пережитков: красивые, блестящие вещи, часто золотые, преподносились в дар богам. Наверное, в крови у них что-то осталось. Может быть, и так, но я склонен был думать, что это всего лишь особенность его характера или привычка, как и у многих других. Ещё Илья положил глаз на мою собачку и начал «подбивать клинья» в надежде, что уступлю ему и продам её, когда буду уезжать домой.

Упрашивал меня:

– Зачем она тебе там, в Москве?.. Пропадёт. А я её хорошо натаскаю, и у меня будет самая лучшая собачка в нашей округе.

Меня слегка польстил его выбор, но ответил я категоричным отказом и попросил, чтоб не заикался даже об этом. Кем он работал здесь – не очень было понятно. Видимо, сезонным рабочим, как и большинство здешнего мужского населения. В летний период перебивался «шабашками», осенью – на заготовке дикоросов, зимой, со слов Ермолина, промышлял пушницей и мясом по договору. Человеком он был хорошим, добросердечным, немного наивным и очень любознательным, всё что-то у нас выпрашивал, уточнял. Даже когда ложились спать, не мог уговориться и, почему-то чаще ко мне приставал с расспросами.

Уже точно не припомнится мне, в какой момент, возможно, за ужином, Илья подкинул нам идею сходить в верховья реки Большой Абакан и половить там хариусов. Крупный хариус там водился, как сказал он. Идея была, конечно, с самого начала авантюрная. Во-первых, мы ещё не знали, где точно находится этот Большой Абакан и как далеко до него добираться. Из географии я помнил, что река с таким названием есть в Красноярском крае, но не думал, что граница с ним так близка. Во-вторых, нужно было и время удобное выбрать для этого путешествия. В-третьих, почему, собственно, хариус нас должен был заинтересовать, когда здесь можно было найти столько других заманчивых идей? Тем более, в окрестных реках, наверное, тоже хариус водился. Странности в этом предложении мы сразу не распознали: уж очень обыденно, как бы между прочим получилось это у Ильи. Но зерно соблазна упало на благодатную почву. Не подозревая подвоха, мы согласились. Потом, по прошествии некоторого времени, я попытался понять тайный умысел местного хитрого алтайца. Возможно, в створе со своими односельчанами, он решил проверить приезжих москвичей на прочность: способны ли эти будущие охотоведы выжить в тайге?.. Но это было всего лишь моё предположение. Только в тот момент о времени путешествия не могли ничего сказать. Решили, что позже ещё вернёмся к этому разговору. А пока нас ждало не менее интересное занятие – заготовка кедрового ореха.

7

Снова трудяга-вездеход ЗИЛ-157, управляемый Пашей, неспешно преодолевая каменистые подъёмы, грохоча бортами на камнях, везёт нас на новое место. Едем познавать ещё один вид человеческого промысла, освоенный далёкими нашими предками, служивший им одним из средств существования. Кедровый орех и у современного человека пользуется большой популярностью, особенно у сибиряков, которым он служит не только пищей или лакомством, но и неплохой статьёй дохода в семейный бюджет. Леспромхозы и коопзверопромхозы также в урожайные годы имели от промысла немалую прибыль.

Кедровое урочище, которое нам предстояло осваивать, находилось километрах в двенадцати от села. На сей раз мы едем вместе с нашими старыми знакомыми – артельщиками с горы Кочимер. Будем разбивать лагерь сообща. Сравнительно молодой начальник участка поступил достаточно мудро, что соединил нас с этими бывалыми людьми, тем самым убив двух зайцев сразу: не нужно было самому тратить на нас время, помогая обустроиться; одним рейсом решил вопрос заброски двух бригад. Он был уверен, что опытные таёжники нам помогут. И в самом деле, они оказались добрыми и отзывчивыми людьми. Охотно, не только советами, но и делом помогали нам построить чум для жилья, затем показали, как построить мельницу для обмолота кедровой шишки. Решето для просеивания от шелухи привезли с собой. Объяснили общую технологию заготовки. В общем, без них нам пришлось бы очень туго – с большой задержкой начали бы этот промысел. За ними, конечно, оставалось и главное слово в распределении угодий: кто и где будет заниматься шишкованием. На это мы не имели ни малейших претензий. Местные знали эти уголья хорошо, они и были хозяевами положения.

Место под лагерь был выбран ими же. Это было уютное местечко на краю каменистого распадка, упирающегося одним краем в тёмный лес, преимущественно кедровый. С другой стороны оно граничило с давней, уже слегка заросшей мелким берёзовым и осиновым подростом, вырубкой, выделявшейся разноцветным пятном на фоне зелёного хвойного леса. Осень уже пролила свои жёлто-оранжевые краски на леса и горы. Это пятно разлилось на небольшом склоне и пропадало в километре от нас в следующем распадке. Наш распадок широкой лентой, белой от цвета камней, уходил вверх по такому же пологому склону и терялся вскоре в извилине за стеной тёмного леса. Под камнями звонко журчал горный ручеёк, служивший нам источником воды.

На обустройство своего быта у нас ушло ровно два дня, считая день приезда. Артельщики рядышком с нами выстроили своё жилище, подобное нашему. Практически мы обосновались одним лагерем. Первую ночь провели под открытым небом у костра. Утром после завтрака закончили обустройство. Затем соорудили по примеру соседей лабаз из осиновых жердей для складирования шишки, чтобы её обдувало ветром и подсушивало. Под конец подобрали более открытую и солнечную полянку, расчистили и подготовили её под обмолоченный уже орех. Если погода позволит, пару дней на просушку будет достаточно. После чего кому-то из нас придётся дежурить в ожидании хотя бы малого ветра, чтобы провеивать обрушенный орех старинным дедовским способом, подкидывая его лопатой кверху.

Вторую ночь уже спали мы в настоящем чуме, правда, обтянутом не оленьими шкурами, а всего лишь рубероидом. Внутри мы выложили очаг из камней. Вверху над ним оставили отверстие для вытяжки. Надеялись, что всё сделано правильно – тяга от костра пойдёт вверх, а от камней будет исходить тепло. Спальные места устроили вдоль стенок чума вокруг очага. Пищу готовили на отдельном кострище, чуть в стороне от чума. Там же соорудили и длинный низкий стол, вместо скамеек – брёвна.

Ночь, проведённая в чуме, не оставила плохих впечатлений, кроме прорвавшегося под утро внутрь спальника холода. Очаг давно потух, камни тоже порядком остыли. Никто первым встать не хотел, чтобы развести костёр. Думаю, что не я один проснулся от холода, но все выжидали. Первым не выдержал я. В предутренних потёмках наткнулся на приготовленные дрова и стал разжигать. Вот тогда, под видом того, что я разбудил их, стали выползать из своих спальников и оба моих друга. Пытаться снова заснуть уже не было смысла – сквозь лесную завесу в лагерь просачивался рассвет.

Нам снова повезло с погодой: стояли ещё тёплые сентябрьские денёчки. И по погоде, и по времени совпало – наступило бабье лето. Кедровая шишка практически вызрела и наступила благодатная пора для многочисленных обитателей кедровой тайги: орех кормил всех, начиная от самых крупных представителей – медведей, заканчивая самыми мелкими грызунами – бурундуками и мышками. Не прочь орехом полакомиться и многие пернатые. Всюду по-хозяйски сновали пёстрые кедровки. От дребезжащего голоса этой назойливой пёстрой птицы шум стоял в ушах. Глухари и рябчики также «подтягивались» в кедровые урочища. Многие из всех этих зверей и птиц спешили не только вдоволь отъестся на кедровых кормах, но и заготовить отборного ореха впрок.

Начались рабочие будни и у нас. Как нам рассказали бывалые соседи, шишку пока придётся добывать тяжёлым трудом, то есть сшибать её с дерева, ударяя по стволу специальной колотушкой. Здесь её называли просто колот. Или, залезая на кедр до макушки, сбивать шишку с веток длинным шестом. Был ещё один вариант, его ждали многие в тайге: и люди, и вся живность – когда шишка сама опадает в больших количествах на землю. Так бывает во время сильного ураганного ветра. Это явление местные называют тушкеном. Но чаще такое «благодатное» ненастье случается в местных краях только в конце октября. Нам же надеяться на это чудо природы не приходилось. Меня даже немного привлекла идея лазания по деревьям – с детства любил это занятие: немало яблоневых садов облазил в своё время у себя в деревне.

На следующий день все втроём пошли за урожаем, вооружившись верёвкой, колотом, шестиком и мешками. Деревья, богатые шишкой, долго искать не пришлось. Опробовали вначале способ наземный. Игорь взялся первым за испытанное орудие, представлявшее собой деревянную болванку около метра длиной и обхватом больше тридцати сантиметров, насаженную на шест длиной примерно в два человеческих роста. Одним концом уперев шест в землю у основания ствола, стал ударять по стволу и нижним толстым ветвям. Большого проку от этого не получилось. То ли опыта не было, то ли дерево мощное оказалось, но шишек упало немного. Игорь же с непривычки вспотел. Я с радостью вызвался залезть на кедр, привязав шнуром к поясу своё орудие труда – лёгкий трёхметровый шестик из молоденькой, засохшей на корню

ёлочки. Благодаря сухой погоде я был, к счастью, в кедах. Моим напарникам пришлось меня подсадить немного – я не доставал до нижней ветки. А дальше пошло всё довольно легко. Добрался до самого верхнего яруса, решив начать с него. И дело заспорилось: держа правой рукой шестик, обстукивал по кругу ветви, до которых не страшно было дотянуться.левой держался за надёжную ветвь, предварительно испытав её на прочность, чтоб не сорваться. Результат оказался гораздо производительней. Ребята только успевали собирать шишки в мешки.

Первый кедр обстучали довольно легко. Набралось три мешка. Володя взялся относить их к стану, а мы с Игорем двинулись к следующему исполину. Мной овладела романтика «верхолаза», и мы решили оставить в покое не очень удобный и менее производительный колот. Огорчило лишь на тот момент отсутствие рукавиц или перчаток, потому что руки у меня были все в липкой кедровой смоле. Одежда, конечно, тоже была местами заляпана. Как-то само собой у нас произошло разделение труда. Игорю досталась роль «низового», то есть сборщика упавшей шишки, а Володя стал носильщиком. Первый день закончился вполне удачно – мы заполнили всю выданную нам дюжину мешков. Я «оседлал» четыре кедров, после чего у меня задрожали руки и заныла спина от напряжения. Требовалась передышка.

За ужином верстали планы на будущий день: Игорь остаётся за мельника, а мы с Володей продолжим сшибать и собирать шишку. Очаг в чуме разожгли заранее и надеялись, что там нас ждёт тепло и уют. Но когда пошли спать, выяснилось, что дрова горели не так дружно и жарко, как хотелось бы. Чум внутри был заполнен дымом. Так что мечта о спокойном сне отодвинулась на некоторое время. Тяги вверх почему-то не было, дым выползал из всех видимых и невидимых щелей. Их оказалось немало – рубероид не очень плотно прилегал на стыках. Возможно, что ещё и давление начало падать, гадали мы. Взялись устранять свои погрешности, затыкать щели. Через какое-то время ситуация нормализовалась: дым постепенно развеялся, дрова загорелись веселее, тепло стало растекаться по нашему жилищу.

Двигаясь вверх по склону, мы с Владимиром уже не бросались к первому попавшемуся дереву, как вчера, а выискивали такое, которое обильнее было усыпано шишкой. Он догадался взять с собой бинокль. С его помощью мы без особого труда их находили. Мешки, наполненные шишкой, оставляли здесь же между деревьями. По пути предусмотрительно делали затёски, чтобы не потерять. Незаметно поднялись на гриву. Забравшись на очередное дерево почти до самой макушки, вдруг обратил внимание, что я вместе с кедром, который был высотой метров двадцать пять-тридцать, раскачиваюсь из стороны в сторону. Размах был настолько ощутим, что у меня подступил комок к горлу – мне показалось, что дерево падает. Взглянул вверх других деревьев. Особого качения не увидел – так, слегка макушки гуляли по ветру. Взглянул вниз – всё повторилось: я, будто в гигантской колыбели, летал по воздуху туда-сюда. Мне это начинало нравиться, я почувствовал какую-то незнакомую лёгкость в теле. На миг показалось, что не дерево вовсе меня качает, а словно сказочный богатырь-лесовик держит меня на своих сильных ветках-руках и качает, решив меня убаюкать. Я почувствовал себя маленькой крошкой на фоне этой огромной тайги. Может быть, в этот момент я был близок к герою сказки Киплинга – Маугли. Мне действительно пришло в голову такое сравнение. Захотелось удобнее устроиться в развилке и наслаждаться. Я даже сверху крикнул напарнику, предложив ему испытать то же самое, но Володя лишь отделался шуткой. Почему до этого я не замечал ничего подобного? Оказалось, всё просто – до этого я залезал на кедров ещё на склоне, где ветер был практически не ощутим. А теперь мы поднялись на самую верхушку гривы – здесь было ему раздолье.

На шестой день мы уже достаточно заготовили чистого отборного ореха. Пять мешков были заполнены под завязку. На пологе шириной метра четыре и длиной шесть метров лежал на просушке обрушенный и просеянный орех. Периодически кто-то из нас ворошил его самодельной деревянной лопатой и подкидывал вверх, если неожиданно налетал ветерок. Мусор отлетал по ветру, а на полог падал уже чистый орех. Темпы заготовки мы немного снизили – что

называется «набили оскомину». Работали без напряжения, в удовольствие. За большими деньгами не гнались. Хотелось внести в свою жизнь какое-то разнообразие. Иногда погода хмурилась, осыпала сверху мелким морозящим дождичком. Укрыв плёнкой свои заготовки, использовали такую погоду для охоты.

Как и ранее, мы расходились, кому куда заблагорассудится. Рябчики попадались довольно часто, но Аза успешно угоняла их подальше от меня, «уверенная» в том, что всё делает правильно. Возвращаясь, виновато смотрела на меня и вновь убегала «исправлять свои ошибки». Замечал я, как она несколько раз активно и стремительно начинала бегать челноком, что-то вынюхивая. Затем останавливалась у ствола ели или кедра, тщательно его обнюхивала. Нерешительно взлаивала, оглядываясь на меня. Наверное, она поднимала «с пола» кормящуюся белку. Та западала где-то на дереве; собака её не видела. По видимой же белке она работала сразу голосом – азартно и уверенно. Это был уже успех для молодой лайки. Мне пришлось, с целью натаски своей собаки, подстрелить ещё рыженького зверька и дать ей обнюхать, облизать кровь, чтобы она почувствовала конечный результат своей работы. Чтобы поняла, что от неё требуется.

В этот день нам ещё представился случай отличиться. Я осторожно продвигался по кромке небольшой поляны и вдруг услышал впереди шум хлопающих крыльев. Взлетел глухарь. Наверное, собака подняла. По короткому шуму понял – не улетел далеко, а примостился на какое-то дерево рядом. Птица непуганая, далеко не улетает. Напротив, с любопытством разглядывает происходящее внизу: какое-то чёрное непонятное четвероногое существо бежит вокруг, что-то ищет. Именно так я мысленно просчитал ситуацию и решил подкрасться к птице на выстрел. Даже снял сапоги, чтобы мягко и бесшумно ступать по земле. В стволы зарядил картечь. Пригнувшись, медленно и осторожно стал подходить. Я увидел глухаря метрах в шестидесяти на еловом суку: вытянув шею, он крутил головой и смотрел вниз. Наверное, там была собака; её я из-за папоротника не видел. Аза, в свою очередь, ни разу не дала о себе знать голосом. Стрелять было, как мне казалось, далековато. Ещё бы на метров десять-пятнадцать приблизиться. Передо мной лежало большое давно упавшее дерево, гладкое от времени. Я решил за ним укрыться и по-пластунски пополз вдоль, сокращая расстояние. Удивительно, но сторожкая птица меня не заметила. Я почувствовал, что пора стрелять. Всё так же лёжа на земле, облокотившись о ствол дерева, медленно поднял ружьё, долго почему-то целился, нажал спуск. После выстрела я был уверен, что глухарь рухнет на землю. Но он лишь подскокил на сучке, резко взмахнул несколько раз сильными крыльями, затем, распутив их, спланировал вниз по склону. Аза проявила невиданную прыть. Высоко подпрыгивая из-за мешавшего папоротника, она рванулась вслед. Минут через пять я услышал негромкий, неуверенный хрипловатый лай. Я, как был без сапог, в одних носках, так и побежал туда же. Но через какое-то мгновение увидел Азу. Высунув язык «на плечо», собака спешила ко мне. Всё, улетел. Мне в этот момент было точно стыдно перед своей собакой за промах – в её глазах явно читался укор (вероятнее всего, мне так показалось). Но ещё я увидел в ней детский задор и радость от такого приключения. А почему я промазал, до сих пор ума не приложу – так тщательно и размеренно всё сделал – и на тебе!..

В лагере, по настроению Игоря, можно было подумать – праздник какой-то случился. Когда подошёл ближе, увидел: на сучке дерева висит большой чёрный красавец глухарь. На лице Игоря всё было написано: глаза его поблёскивали гордостью, улыбка не сходила с губ. Вот кому сегодня повезло! Рябчиков он не считал за трофей, а вот глухарь – это уже гордость добытчика, по крайней мере, нашего масштаба. Игорь даже пожалел, что у нас нет с собой ничего алкогольного: очень кстати бы пригодился сейчас.

В минуты отдыха на стане интересно было наблюдать за живностью, обитавшей рядом с нами. Смекалистые бурундуки открыли для себя несметные залежи отборного ореха, который не нужно было где-то добывать, шелушить и прятать. Два, а может, и три полосатика приноро-

вились воровать из лабаза выгруженную шишку: схватит в зубы и наверх по стволу. Куда уж он потом её прячет, неизвестно. Но работали они не покладая «лап». Кстати, шишки они выбирали исключительно качественные, с полноценным орехом. Я как-то изъясил шишку у одного из них. В ответ услышал столько «недовольства и гнева» (будто это я украл у него шишку), и словно не бурундук вовсе в метре от меня стрекочет, стоя на задних лапках и нервно подёргивая хвостом, а разъярённый тигр. Собак они совсем не боялись. Те, в свою очередь, вниманием их тоже не баловали, равнодушно наблюдали за происходящим. Между прочим, наши четвероногие друзья тоже проявили интерес к ореху. Правда, за Бураном не было замечено, а вот две сестрички Лада и Аза научились шелушить шишку и выбирать из неё орехи. Можно было не волноваться о том, что они голодны.

Кедровка нам тоже немало досаждала. Даже больше, чем бурундуки. Но урон всё-таки наносила незначительный, зато какая польза от неё в тайге! Во-первых, на эту пору, когда шишки ещё достаточно крепко держались на ветке, эти птицы своим сильным клювом срывали их и, достав всего несколько ядрышек, бросали. На земле эти шишки уже подбирали разные зверюшки. Во-вторых, кедровка делает запасы в укромных местах: под листву, под корни прячет шишки и, как правило, забывает о них. Опять же этим пользуются другие животные. Или же, никем не найденные, следующей весной орехи прорастали. А через лет пятьдесят на этом месте стояли новые могучие деревья. Мудрая Природа всё предусмотрела. Об этом мы впервые узнали из уст наших бывалых соседей, когда вечером у костра зашла речь о кедровках.

8

Наконец промысел наш подошёл к концу. Сразу скопилось несколько факторов в пользу его завершения: свободной тары для ореха почти не осталось, практически все близлежащие кедровники нами были исследованы и обработаны. Ну и, пожалуй, главный из них – нам уже достаточно хватило практики заготовки ценного кедрового ореха. Продолжение означало для нас уже не практику, а зарабатывание денег. Но разве наши головы, напичканные романтикой, в такие юные годы могла заинтересовать финансовая сторона этого мероприятия? До прибытия за нами автомобиля было ещё шесть дней. Часто мы попросту прозябали в лагере, лишь изредка от скуки делая короткие вылазки за рябчиком.

Неожиданно на наши головы в буквальном смысле свалился не кто-нибудь, а сам Илья. О нашем с ним разговоре мы, конечно, забыли. Точнее, не приняли его всерьёз. Но, судя по всему, у него-то были серьёзные намерения в отношении нас, коль он не поленился за двенадцать километров сюда притопать. Завидев Илью, мне сразу же вспомнилась его идея про Большой Абакан с большими хариусами. В душе стало проклёвываться то самое пророненное три недели назад семечко соблазна. Вечером мы всем лагерем сидели у нашего костра. Илья оказался к тому же человеком предусмотрительным и не явился к нам с пустыми руками – под громкие одобрительные возгласы шестерых мужиков он достал из вещмешка всего лишь... пол-литровую бутылку, но настоящего... медицинского спирта! В то время суррогат ещё не котировался. Не скажу, что мы жаждали выпить, просто обстановка соответствовала моменту. На закуску была дичь. Наши выпившие соседи с удовольствием наперебой рассказывали свои истории из таёжной жизни. Илья тоже поведал о себе немного. И вновь напомнил о своей идее. Вот тут и дозрело, проросло мгновенно семечко. Мы стали обсуждать уже предстоящую дорогу. Спать улеглись около полуночи.

Утром нас ожидал небольшой сюрприз – Илья в лагере не оказалось, несмотря на ранний час. На душе стало как-то неприятно от такой выходки. Подумалось, разыгрывает он нас что ли. Но на столе нашли записку. В ней с трудом угадывался какой-то план: что-то было нарисовано и корявым, едва понятным почерком были написаны слова, что он будет ждать нас в указанной

на плане избушке, в пяти километрах отсюда. Отлегло от сердца. Всё встало на свои места: просто алтаец торопился.

Ещё с вечера мы определились, что всем троим уходить из лагеря нельзя, кому-то нужно оставаться присматривать за нашим добром. Из нас троих менее всего подвержен романтизму был Игорь. Он с самого начала с некоторым недоверием отнёсся к предложению Ильи и не проявил такого рвения и оптимизма, в отличие от нас с Володей. Он не заставил себя долго ждать и сам согласился остаться. Дед с заросшей бородой, похожий на священника, спокойно, без лишних слов и в самом деле будто «благословил» нас в путь, ещё добавив, что скучать без нас не будет. На сборы вместе с завтраком у нас ушло два часа. Кроме всего самого необходимого, подумав, решили взять только одно ружьё – Володя возьмёт своё. Лишний груз нам ни к чему, тем более за хариусом ведь собрались. Собаки, конечно, с нами – куда же без них. Может, Илья предвидел нашу канитель, поэтому и сорвался пораньше из лагеря.

Погода стояла неустойчивая: мелкий морозящий дождь сменялся небольшим прояснением. «Вполне приемлемая погода для путешествий, но лучше бы без дождя...», – решили мы и двинулись в путь, ничуть не ожидая какого-либо подвоха и не сомневаясь во всей этой авантюрной затее. Без тени смущения относительно «игры в догонялки» с Ильёй, оставаясь во власти искусителя, спешили почувствовать вкус приключений. Несомненно, со стороны наше поведение выглядело немного странно, потому что ни я, ни Володя, как выяснилось, не были такими заядлыми рыбаками.

И вот двое неопытных, необстрелянных молодцев зашагали по совершенно неизвестному маршруту, высматривая едва заметные следы и ориентиры, оставленные хитрым алтайцем. Первоначально нам нужно было пройти, наверное, с километр по дороге, по которой нас привезли в это урочище. Затем по распадку свернуть влево и по нему подняться на невысокую гриву мимо вырубки, перевалить её и спуститься по южному склону. Там должны увидеть избушку. Это место нашей встречи. В общем, ничего сложного, но только на бумаге. На самом деле очень легко можно было сойти с тропы вправо или влево. И тогда – господь Бог тебе помощник. Поэтому важно было не потерять следы. Ситуация была близка к условиям выживаемости. Слава Богу, хоть компас был.

Забегая вперёд, хочется сказать, что уроки следопытства и ориентирования на местности, преподнесённые нам в том путешествии, мне в последующей своей уже трудовой практике оченьгодились.

Первый этап преодолели довольно легко. Не прошло и двух часов, как мы были на подходе к указанной избушке. Заметили её издалека, спускаясь вдоль небольшого каменистого ручья. В тени кедра и нескольких берёз стоял старенький, просевший одним углом уют охотника. Заглянув внутрь, поняли – нас никто не ждал. Рядом едва теплились подёрнутые пеплом угольки костра. «Часа два назад ушёл», – пришли мы к выводу. Мне показалось это странным: что за игру затеял этот Илья? Почему он не дождался нас, как обещал? Володя в избушке обнаружил снова клочок бумаги, нанизанный на гвоздик. На нём что-то было начертано. Мы с трудом догадались, что это очередные ориентиры. Впереди, примерно через километр, мы должны увидеть аншлаги. «Что за аншлаги?» – переглянулись мы. Также была обозначена на пути небольшая речка, затем ещё одна, а чуть дальше вторая избушка.

– Не пропадём, Володя. Видишь, снова избушка. Если что, можно переночевать, – сказал я. – Похоже, Илья испытывает нас, проверку нам устроил. Ладно. Может, рванём за ним – глядишь, и догоним? – и вопросительно уставился на Матёрого.

Подхватились и в надежде, что скоро достанем, бодро зашагали вдогонку. Но метров через двести прыть убавилась. Оба недоумённо посмотрели друг на друга: где тропа, куда она затерялась? Вернулись немного назад. Стали внимательно разглядывать малейшие признаки, указывающие на неё. От избы угадывалась едва заметная тропинка, но она уходила вниз по ручью – на запад. И по ней точно в этом году не ступала нога человека. Наш же путь

лежал на юг. Снова медленно двинулись от ручья, как истинные индейцы-следопыты из фильмов-вестернов, вглядываясь в примятую траву, выискивая малейшие признаки пребывания человека. Наши собаки, забежав вперёд, тоже в некотором недоумении смотрели в нашу сторону, поджидая нас. Мне показалось, что они очень уверенно бежали впереди в одном направлении, не виляя по сторонам. Я подумал, а не по следу ли алтайца они бегут. Подошёл к собакам ближе и обшарил взглядом вокруг. Обратил внимание, что по начавшемуся подъёму на очередную гриву в высокой траве вдоль кустиков шиповника, жимолости, смородины и можжевельника просматривалась некая ложбинка примятой травы. Пройдя ещё несколько десятков метров, увидел чёткий отпечаток сапога. Я чуть от радости не подпрыгнул. Крикнул Володе, что нашёл тропу. А ещё через минут десять мы твёрдо убедились в этом, увидев рядом с тропой небольшую молодую лиственницу, на которой висело, по-моему, семь ленточек. Точнее, это были продолговатые, выцветшие и потрёпанные ветром лоскутки материи. Только один из них выглядел свежее и был зелёного цвета. Деревце само по себе выглядело очень нарядно в осенней яркой зеленовато-жёлтой одежде. Но ещё большую красоту и необычность ей придавали эти ленточки, которые развевались на ветру, будто девичьи волосы. Я знал, что древние народности, населявшие эту горную местность, в таком виде отдавали дань уважения своим богам, просили у них удачи. Эти обычаи и традиции сохранились и у местных коренных народов. Кто первый, когда и по какому поводу повесил здесь свою ритуальную ленту? Может быть, Илья? Но уж последнюю, зелёную полоску, самую свежую, наверняка, повесил он...

Недалеко я увидел родник, окружённый кустами смородины, жимолости и ещё каких-то незнакомых мне кустиков. Зеркальце родничка диаметром не более метра было обложено камнями. На одной из веток висела зелёная эмалированная кружка со следами бурой ржавчины на местах сколов. Неожиданно мной завладели возвышенные чувства, и по спине пробежали мурашки от ощущения причастности к этой первозданной природе. Сам родничок вдруг представился мне живым, словно сердце: поверхность чуть колыхалась, а на дне под действием невидимого механизма пульсировали и вскипали подземные ключики, выталкивая вместе с ледяной водицей мелкие камешки и песчинки, похожие на живых суетливых жучков. Из этого природного «сердечка» вытекал ручеёк с чистой горной живительной влагой, питавшей всё живое на пути своего следования. Сколько же здесь, в этом огромном живом организме, именуемом Горный Алтай, этих маленьких «сердец», что наполняли такие красивые реки, как Катунь и многие другие?

От родничка уходили уже две хорошо видимые тропинки: одна – в нашем направлении, другая – вниз на запад вдоль ложбины, в направлении озера Кочимер. Я вспомнил, как Ермолин рассказывал нам, что река Бийка берёт начало из этого озера. В голове мысленно раскрылась воображаемая карта местности, исходя из тех незначительных познаний, что удалось получить при общении с местными, и опыта пребывания на горе Кочимер. Она возвышалась совсем недалеко, не более пяти километров. Я пришёл к выводу, что кто-то из жителей села и проторил сюда тропку. Захотелось испить этой живительной водицы. Рука сама потянулась к кружке, заботливо оставленной каким-то добрым человеком. Насладившись родниковой водой, в приподнятом настроении тронулись дальше, уже не опасаясь сбиться с пути. Поднявшись от родника по невысокому склону около пятисот метров, неожиданно вышли на изрядно выбитую широкую конную тропу. И сразу же увидели второй ориентир. Это был металлический аншлаг, закреплённый на вкопанном столбике, указывающий не на что иное, как... на границу Алтайского государственного заповедника!

– Нахождение посторонних лиц... охота, рыбалка, сбор ягод запрещены... – не дословно прочитал я немного выцветшие слова.

«Вот попали, вот где подвох...» – сверкнула в голове догадка. А вслух сказал:

– Ничего себе, Ильюша уготовил нам испытание. Мы же с ружьём и собаками. Не хватало нам ещё с егерями повстречаться.

Но что делать, назад пути нет. И мы поплелись дальше (энтузиазм как-то поубавился). Судя по клочку бумаги, впереди наш путь должен пересечься с речкой. Тропа шла совсем недолго вдоль границы заповедника, затем почти перпендикулярно нырнула вглубь заповедника. Тут мы снова прибавили ходу – начался небольшой спуск. К тому же хотелось быстрее миновать этот запретный участок. Но сколько нам придётся по нему идти, мы не ведали. В записке об этом не было сказано.

До следующего ориентира, обозначенного Ильёй, оказалось совсем рядом. Через четверть часа мы спустились к неширокой, не более полутора метров, но бурной речушке, больше походившей на большой ручей. Вода по довольно резкому перепаду шумно бурлила, борясь с преградившими ей путь камнями. Вопреки ожиданиям, течение её направлено было на восток. А начало её, скорее всего, находилось на возвышавшейся справа от нас довольно крутой и лысой горе, негусто покрытой растительностью. Без остановки перескочили по камням ручей и сразу же начали подъём в гору по извилистой каменистой тропинке. Преодолев затяжной подъём на очередную гриву, затем спустившись с неё уже по крутому склону, мы буквально наткнулись на вторую речку – гораздо более полноводную и бурную, чем первая. Хорошо, что были в болотных сапогах. Но всё равно пришлось искать небольшой порог, чтобы форсировать её. Собак мы пожалели и перенесли их на руках. Опять же, забегая вперёд, просто нельзя не сказать, что это за река – несколько позже по карте я выяснил, что называется она Камга. Но самое интересное было для меня, что она впадает в Телецкое озеро! Небольшая информация, которую я получил об этом загадочном и красивом озере, не давала мне покоя, хотелось узнать о нём больше, а главное – побывать на нём.

Снова вернулись к тропе, которая, судя по всему, была больше конная, чем пешая. Кроме одного человеческого следа, оставленного Ильёй, все остальные были явно от подкованных лошадей. Значит, территория усиленно охранялась. Поддавшись интуиции, чтобы не оставить своего следа на влажной набитой тропе, сошли с неё и двигались параллельно – не хотелось, чтобы опытные егеря легко могли вычислить нас по следам. Опять мучил вопрос: зачем этот негодный алтаец потащил нас сюда? Что, нет другого пути? В голове шевельнулась предательская мыслишка: «Пока ещё не поздно, может быть, повернуть назад?» Я тут же отогнал её, но поинтересовался Володиным мнением на этот счёт. На что он ответил:

– Уже столько прошли, жалко назад поворачивать, да и стыдно. Идём вперёд, – уверенно закончил он.

Теперь и я утвердился в этом. Если повернём, струсим – потеряем авторитет в глазах алтайцев. А в своих глазах? Нет уж, будь что будет. На всякий случай приготовили легенду, что заблудились. Употребив спасительную русскую поговорку: «Авось, пронесёт!» – пошли вперёд.

Егерская избушка, попавшаяся на нашем пути, была просторная и крепкая, в отличие от первой. Рядом по-хозяйски были устроены столик со стульчиками из обыкновенных чурок. В достатке заготовлены дрова. Внутри солидный запас продуктов, подвешенных к потолку. Но я обратил внимание, что давненько в ней не ночевали: уж очень мыши похозяйничали и на столе, и на подоконнике, и на полках. Повсюду были видны следы их жизнедеятельности. И пахло затхлым, давно не топленным жильём. Наверное, ею пользовались редко и служила она промежуточным пунктом маршрута. Значит, есть где-то впереди база, где егеря отдыхают, останавливаясь на несколько дней, или постоянно живут. Наш «путеводитель» не счёл нужным останавливаться здесь, наоборот, постарался не наследить.

Решили обедать здесь, у избушки. Быстро разожгли костёр. Через час мы были сытые и умиротворённые. Дали себе ещё полчаса на отдых, поскольку запас времени у нас был ещё вполне достаточный до темноты. Но злоупотреблять гостеприимством этого заповедника не стоило. Я не упомянул ранее о том, что у Володи был с собой фотоаппарат. Простенькая, дешёвая «Смена». Так что, запечатлев себя для истории на фоне избушки и других живописных мест, мы бодренько пошагали дальше.

Шли вдоль тропы лесом, не отдаляясь от неё, чтобы не сбиться с курса. Это доставляло нам некоторые затруднения, потому что попадались на пути и густые кустарниковые заросли, и упавшие деревья, иногда каменистые россыпи. Мы вынуждены были обходить эти препятствия. Однажды, огибая скалистый выступ, пришлось выйти на тропу. Теряли на этом драгоценные силы и время. К тому же заметно увеличилась крутизна подъёма. Тропа же обходила все эти препятствия и петляла змейкой то вправо, то влево. Но мы с Володей стойко продолжали пробираться «сквозь тернии», придерживаясь одной известной истины: «бережёного Бог бережёт». Полтора часовая ходьба по дебрям изрядно вымотала нам силы, но мы решили выйти на гриву и только там сделать привал.

Едва мы выползли на чуть наметившееся плато, уже подыскивая глазами место, где остановиться, как неожиданно услышали звуки, напоминающие неумелые попытки новичка продудеть в пионерский горн. Другого сравнения на тот момент мне не пришло в голову. Через небольшие интервалы звуки повторились дважды. Затем послышались голоса людей. Мы быстро обсудили, что это могло быть. Пришли к выводу, что не знакомые нам звуки исходили от людей. И это было не что иное, как имитация рёва марала. Наверное, егеря упражнялись в мастерстве подманивания рогача. Настоящий, натуральный рёв этого оленя мне ещё слышать не доводилось. Хоть гон был уже в разгаре, но по времени суток не подходило. Уже понаслышке от бывалых артельщиков мы знали, что маралы режут перед сумерками. А до них ещё не менее четырёх часов. Недолго думая, подозвали собак и прицепили их на поводки. И скорым шагом удалились в чащу, подальше от тропы.

Поистине, нам очень повезло – судьба просто благоволила нам. Не зареви в трубу егерь, так и уткнулись бы в егерский кордон. А там собаки, наверняка, есть хозяйские. И нарвались бы мы на неприятности. Но мне почему-то хотелось встретиться с ними, пообщаться, утолить своё любопытство – узнать, что за работа у них. Может, мы зря так боимся егерей. На самом деле, они, возможно, совсем не плохие ребята. Поняли бы нас, не обидели. Но я своими мыслями с Володей не стал делиться. Всё-таки лучше не лезть самим на рожон. Вот если судьба сведёт на тропе, тогда уж и пообщаемся.

Больше получаса мы петляли, крадучись обходили кордон, держа собак на поводках. И только потом осмелились приблизиться к тропе. Обнаружив её, быстрым шагом стали удаляться подальше от кордона. Но много в таком темпе пройти не смогли: маршрут шёл уже по довольно крутому подъёму. Приходилось регулярно останавливаться, делать передышку. Я оглянулся назад: внизу по склону сквозь деревья было видно, что находимся на довольно большой высоте. Трудно сказать, на какой точке над уровнем моря, но где-то там далеко просматривалась широкая ложбина, на самом дне которой поблёскивала река – наверное, та самая Камга, которую мы преодолевали. Сейчас мы поднимались практически на водораздел, с которого она берёт начало, только чуть западнее. Запрокинув голову, посмотрел вверх. Сколько нам ещё карабкаться до вершины хребта, было непонятно – скрывали растущие деревья. Но, перекинув взгляд вдоль него, сориентировался, что находимся примерно в третьей части подъёма до перевала. У нас уже не было выбора, и мы, отодвинув все опасения, что наши следы могут обнаружить, шагали по самой тропе. В этом месте она была достаточно широкой и шла серпантинном.

Судя по последней записке Ильи, нам нужно было выйти ещё на один ориентир – тоже аншлаг, но большой. От него нужно уходить вправо от тропы. А сколько ещё до него – вопрос. Как известно, нет хуже заботы, чем ждать да догонять. Надежда, что мы вот-вот его догоним, давно угасла. Осталось верить в себя и в удачу. Илья в лагере нам говорил, что расстояние до места примерно двадцать километров. По нашим прикидкам, мы прошли уже больше половины. До темноты мы не успеваем. Да и усталость чувствовалась. Больше всего ныли спина и плечи от рюкзака. Ноги ещё «не против» были прошагать пару километров, но разум подсказывал, что ночлег лучше устраивать засветло. А светлого времени нам оставалось не более

часа. Стали подыскивать удобное место. Недалеко от маршрута метрах в трёхстах левее увидели небольшой распадок, уходящий вниз. Из-под камней выбивался небольшой ручей. Тут и решили обосноваться на ночлег: и от тропы в стороне, и дрова есть. Для ночного «долгоиграющего» костра было бы лучше применять лиственницу, но за неимением таковых поблизости свалили две сухие ёлки и сырую берёзу, хоть и знали, что ель при горении постреливает искрами. Ужинали уже при свете костра нехитрым, но калорийным супчиком из пакетов, приготовленным банкой тушёнки (приготовили с расчётом и на собак). Попросив у Господа хорошей погоды, влезли в спальники по обеим сторонам костра. У таёжников такой костёр, когда два бревна длиной в наш рост укладывают друг на друга, закрепив по бокам кольшками, называют нодья. Снизу жарко горела сушина, а сверху положили сырую берёзу, чтоб дольше горела.

Уже в полудрёме делились впечатлениями прошедшего дня. Воздух был свеж и прохладен; изо рта выдыхался парок – это значит, что было не более пяти-семи градусов. На облачном небе местами выглянули редкие, одинокие звёзды. «К утру погода может выясниться, а то и заморозок ляжет», – с этой мыслью я, согретый таёжным костром и придавленный победившей наконец моё тело усталостью, провалился в царство сна.

Под утро, ещё без признаков рассвета, пришлось встать, проснувшись от холода. Нодья почти прогорела, только по торцам остались тлеющие берёзовые пеньки, не дающие тепла. Володя тоже выполз из спальника. Вновь оживили костёр. Вскипятили чай. Согрелись. Ожили сами. Но было ещё сумеречно. Поманило опять внутрь спальников.

...Очнулись от сна, когда солнечные лучи нашупали лазеечки между деревьями в плотной стене тёмного леса в вершине распадка и прорезали утреннюю туманную мглу острыми огненными иглами. Один лучик пробрался и к нашему балаганчику, озорно ослепив мои глаза.

Подогрев остатки вчерашнего супа и чай, быстро позавтракали и свернули бивак. Со свежими силами легко и как-то незаметно вытянули на перевал. Оказалось, что ночевали от него всего в получасе ходьбы. Остановились на чистой поляне, огляделись. На перевале лежал небольшой снег, слегка припудрив землю. Теперь как на ладони прекрасно была видна вся панорама по обеим сторонам хребта. При виде такой небывалой открывшейся красоты я потерял дар речи. Только ради того, чтобы увидеть это, уже стоило преодолеть все препятствия и прийти сюда. Сбросив рюкзак, я забрался на возвышающийся останец и не мог оторвать глаз от этого великолепия. Лирическое настроение, которым я заразился в тот момент, до сих пор посещает меня при воспоминании о Горном Алтае.

...Осень, как и любое другое время года, по-своему прекрасна в любом природном уголке. К этой красоте привыкнуть невозможно. Но не всегда мы это замечаем, потому что нам просто некогда это видеть. Иногда мы замечаем её неожиданно, нас вдруг внезапно поразит какой-то необычный пейзаж, и мы забываем о своих делах, проблемах... И созерцаем, впитываем красоту. Иногда нужно заставить себя силой воли искать это удовольствие: нужно найти время, оторваться от дел насущных и суетных для поиска красоты. И мы идём в парки, в лес, на реку... Но, когда такую благодать видишь впервые и в таком экзотическом месте, как горы, – это впечатление на всю жизнь. С высоты птичьего полёта ты видишь диковинную картину, написанную самым искусным и непревзойдённым художником – Природой!..

Действительно, северная сторона, откуда мы пришли, представилась мне огромным красочным полотном, где каждое дерево, растущее там, внизу, вносило свой оттенок в палитру красок. Жёлто-красные тона указывали на смешанный берёзово-осиновый подрост на местах прошлых вырубов с относительно ровными линиями границ. Пурпурные тона с оранжевыми вкраплениями выдавали заросли черёмухи с шиповником и рябиной вдоль распадков и ручьёв; особо выделялись на полотне своим торжественным нарядом стройные ряды лиственниц по горным склонам. Яркие, нарядные краски соседствовали с фрагментами сочных зелёных тонов, резко очерчивая границу кедровников и ельников с лиственницами. Местами угадывались своей бледноватой зеленью хвои и коричневыми карандашиками стволов сосновые кур-

тины. Были видны белые и серо-зелёные вкрапления красок от камней по распадкам и выходов скальных пород, покрытых мхом и мелким кустарником. Вся эта картина расположилась меж двумя горными хребтами, тянущимися с востока на запад, а по центру будто разделена тёмной извилистой полосой речной поймы, уходящей в сторону Телецкого озера.

Южная сторона, куда лежал наш дальнейший путь, запомнилась мне относительно голым склоном, густо покрытым побуревшим уже травянистым ковром, но почти свободным от древесной растительности. Лишь отдельные пучки каких-то зарослей да разбросанные участки кедрового редколесья вперемежку с елью, скромно зияющие своей сочной зеленью вдоль распадков. Также светлыми пятнами бросались в глаза частые каменные осыпи и останцы. И окрашен этот склон был гораздо скромнее: из буйства всех красок преобладали всё-таки зелёные тона кедрочей и ельников, да местами притягивали взор своим весёлым апельсиновым цветом редкие куртины насаждений лиственниц, сиротливо прижимавшихся к покладистым кедром. Ещё запомнились тёмные сплошные горные массивы на горизонте с редкими белыми плешинами гольцов. Я не мог понять, почему южный склон вдруг выглядел гораздо беднее северного?..

Позднее, когда у меня появилась возможность посмотреть карту района, я выяснил, что мы были на перевале Минор. Высота его почти 1400 метров. Но разница в буйстве осенних красок так и осталась для меня загадкой.

Пройдя всего около двух километров по гребню хребта, действительно, увидели большой аншлаг, не похожий на предыдущий. Здесь была изображена карта-схема заповедника, а заодно и прилегающей территории. Эта карта и раскрыла нам глаза: южная граница заповедника примыкала к территории Хакасии Красноярского края. Здесь территория заповедника заканчивалась. Единственная река, которая была небрежно обозначена на хакасской стороне, как наиболее крупная, и была Большой Абакан. Но до неё было, наверное, около двадцати километров. К тому же в той стороне просматривались высокие горы. Это не совсем соответствовало описанию маршрута Ильи. Он говорил, что от границы до конечного пункта всего час ходьбы, причём всё вниз по склону. Далее тропа уходила влево, образуя угол границы. Нам же указано было сворачивать направо.

Оставив конную тропу, начали спуск по длинному южному склону уже на территории Хакасии. Я почувствовал некоторое облегчение, точнее раскрепощённость, от того, что запретная зона осталась позади. Теперь ничто не мешало вольно, без зазрения совести вкушать удовольствие от путешествия.

С первых метров спуска выяснилось, что нам предстояло очередное испытание на внимательность и смекалку, так как тропинка будто растворилась, исчезла из видимости. Только едва угадывалась на более крутых спусках по свежей осыпи камней и земли да помятой местами траве. От нас с Владимиром требовалось предельное внимание, чтобы не сбиться с неё. Было бы крайне обидно заблудиться, дойдя почти до цели. Спуск с горы давался нам тяжелее, чем подъём: была опасность соскользнуть по мелкому гравию, упасть и пораниться. Ноги всё время были в напряжении, под тяжестью рюкзака подгибались в коленях.

...Едва не вырвался клич ликования у меня из груди, когда я увидел в полукилометре стелющийся дымок от костра. Подойдя ближе, увидели лагерь, уже достаточно обжитой. Натянутый большой тент из чёрного плотного полиэтилена служил одновременно крышей и экраном. Тепло от костра отражалось от завесы и растекалось внутри балагана. На длинной ольховой жерди у края костра висел большой котёл. В нём булькало какое-то варево, от которого исходил ароматный мясной запах. У костра было навалено с десятков сухих и сырых не очень толстых брёвен на дрова. Чуть поодаль на длинном поводу были привязаны две лошади. Удивило нас то, что кроме одного Ильи мы увидели ещё двух незнакомых людей. Один, небольшого роста, худощавый мужичок, был без левой руки. Рукав телогрейки был заправлен за пояс. Лицо заросло короткой и редкой бородкой. Лет ему, на мой взгляд, было около шестидесяти,

но выглядел старичком-бодрячком. Илья представил его, назвав как-то необычно и по-простому – Тимка. Мне показалось это немного неуважительным по отношению к пожилому и одиозному человеку. Но тот не проявил ни тени смущения и подал руку в приветствии. Впоследствии всё встало на свои места – у коренных народов не принято величать по имени-отчеству. Илья всё же произносил это имя с уважением, с ударением на последний слог.

– Вообще-то правильно, по-алтайски, меня Тимекеем зовут, и отчество другое – вам не выговорить. Но в народе по-русски я Тимофей Силыч, – сам внёс ясность пожилой алтаец.

Я подумал: «Наверное, Илью тоже на местном языке другим именем зовут?»

Второй был высокий, полноватый и круглолицый, лет сорока. Назвался Толей, но Илья, смеясь, поправил:

– Туулай его зовут.

Оба явно походили обличем на коренных алтайцев – скуластые, с узким прищуром глаз.

Перезнакомившись, гостеприимные хозяева балагана предложили нам обед, налив нам по полной чашке бульона и положив по куску мяса. Бульон был абсолютно пустой, то есть без картошки и прочих овощей. Из приправ только соль и лавровый лист. Но выглядел необыкновенно тягучим, наваристым, как бульон с холодца. Мне он показался вкуснейшим блюдом, которого ещё никогда не пробовал. Допускаю, что причиной тому мог быть и уже одолевший голод. На вкус слегка кисловатый и терпкий одновременно, с запахом дыма. Ещё обратил внимание, что бульон мгновенно застывает на губах, и это обстоятельство немного смущало и вызывало неприятие. Но как только доходила пища до желудка, тут же вся моя плоть наполнялась удовольствием, а запах, исходящий из котелка, ещё больше усиливал аппетит. Этот запах мне был ещё не знаком: не говядина, не баранина, тем более не курица. Я мог только догадываться, из какой дичи это было приготовлено, но явно не из рыбы. Да и вообще, рекой здесь и не пахло. Единственное, что походило на речку, – это бурный ручей, который виднелся метрах в ста от стоянки. Срываясь по крутому склону, натываясь на большие гладкие валуны, веками омываемые его холодной водой, уже довольно сильный поток расплылся на множество струек и брызг, отчего над ручьём поднималась седая туманная пелена. Я подумал, что это, возможно, приток Большого Абакана, к которому мы так стремились. Но ни о каких хариусах и прочей рыбе в этом ручье даже не могло быть и речи. Может быть, все вместе мы спустимся ещё и дойдём наконец до большой воды, где водится рыба?

На наших лицах, наверное, настолько явно было написано недоумение, что все трое хитро переглядывались и посмеивались. Я почувствовал, что нас ждёт какой-то сюрприз. Старик, решив, что достаточно испытывать наше терпение и любопытство, открыл истинную цель их пребывания в этом месте. Оказалось, они пришли сюда на охоту. И не на кого-нибудь, а на марала. Здесь на стыке двух краёв, в высокогорной тайге, где тёмный лес чередуется с альпийскими лугами, водилось их немало. Охота на марала во время гона на Алтае довольно распространена. Для подманивания рогача на выстрел они применяют специальный манок или «вабу», как они называют. Он достал из мешка трубу, чуть длиннее локтя, сделанную из кедра, тонкую с одного конца и расширяющуюся раструбом к другому. Зажав тонкий конец губами, извлёк звук, похожий на тот, что мы уже слышали от егерей. Только немного протяжнее и как бы со вздохом, закончив почти свистом. Немного помолчав, старик предложил нам принять участие в охоте. Была ли у них лицензия, мы не знали. Да и неудобно было заводить об этом речь. Нам польстило, что совершенно незнакомые местные охотники предложили поохотиться на такого экзотического для нас зверя. В тот момент я ломал голову над вопросом, почему они решили таким хитрым путём предложить нам это, устроив настоящее испытание? Из каких побуждений? Спросить Илью или старика так и не удалось, не было удобного случая.

Близился вечер. Старик наставлял нас на предстоящую охоту. Давал советы, часто переходя на воспоминания о своих былых охотах, не упустив при этом случая слегка похвастаться

перед приезжими москвичами. Ружьё у нас было одно на двоих. Договорились, что я пойду вместе с Ильёй, а Володя, вооружившись своим, будет где-нибудь рядом со стариком. У него, кстати, за плечом висела старенькая одностволка двадцатого калибра с перемотанным изолен-той прикладом. Третий из алтайцев, Толя, остался в лагере. Собак тоже оставили. Они поначалу полаяли вслед нам, но, будучи только что покормленными, быстро уgomонились.

Примерно за два часа до наступления сумерек мы выдвинулись к месту охоты. Поднялись на невысокую гриву, покрытую берёзовым и осиновым редколесьем с зарослями черёмушника и облепихи. На общем жёлто-оранжевом фоне сочно выделялись своей зеленью одинокие кедры. Продвигались по сплошным зарослям папоротника и зелёного широколистного бадана. Ноги путались в высокой, почти в пояс, траве. Старик выбрал нужную, с его точки зрения, позицию и расставил стрелков в линию. Сам оказался в середине. Мы с Ильёй оказались дальними крайними номерами. Пока можно было говорить, я спросил у Ильи:

– Как старик будет стрелять одной-то рукой, если на него выйдет? У него же одностволка, вдруг понадобится перезарядиться. Как он это делает?

– Ничего, приспособился. Он давно уже так охотится. У него на шее ремешок. На него вешает ствол, натягивает, рукой прижимает к плечу. Твёрдо держит и стреляет метко. Ружьё ведь открывается легко – старенькое уже: рычажок сверху повернёт – оно и открылось. Запасной патрон берёт в зубы и, если надо, закладывает ими в патронник. Наловчился... – успел рассказать Илья.

Ещё хотел спросить, где старик руку потерял, но в этот момент слева рядом раздался тот самый рёв марала, симитированный старым алтайцем. Илья поднял руку и проговорил:

– Дед поёт. Всё, тихо. Слушаем.

Издадека, мне показалось, что звук совсем не такой, как я его услышал в лагере охраны заповедника. Слово «рёв» под этот звук не очень подходило, на самом деле больше напоминало песню. «Если уж токование глухаря зовётся песней, то рёв марала более заслуживает такого определения. Но всё-таки марал – это бык. А про быка говорят: „он ревет“», – пытался я разобратъся в своих мыслях. Звук гулко разнёсся по горам, по долам и затерялся где-то в ложбинах и распадках. Какое-то время стояла гнетущая тишина. Пять или десять минут прошло... Старик снова разорвал тишину своей трубой. Листья берёз и осин зашептались между собой от лёгкого прикосновения закатного ветерка. И тут я услышал рёв живого марала. Он отозвался со склона противоположной горы. На каком расстоянии был от нас – сам я определить затруднился. Илья выручил, подсказал, что меньше километра. Детально его рулады мне не удалось расслышать. Прошло минут двадцать. Старик ещё раз приложился к трубе. Бык отозвался уже ближе. Теперь я отчётливо услышал его голос: он призывно и вызывающе протрубил о своём приближении. Мне показалось, что он вначале утробно рыкнул, а потом переливчато потянул на высокой ноте и, будто захлебнувшись, резко оборвал песню. Затем наступила снова тишина. Ни тот, ни другой не подавали больше голоса. Надвигались сумерки.

Я во все глаза смотрел в сторону приближающегося рогача, но, кроме высокой травы и кустов, ничего не увидел. Воображение рисовало картинку за картинкой: как бык выходит на нас, покачивая головой под тяжестью мощных рогов, втягивает носом запахи, выискивая среди них запах своего соперника, а ещё в надежде поймать тот единственный заветный и дурманящий запах будущей своей подруги, которую он в полной решимости готов был отбить. И я уже не хотел, чтобы вдруг грянул выстрел и разрушил эту гармонию. Но ничего пока не происходило, будто зверь, испугавшись чего-то или учуяв нас, убежал.

Сколько времени пролетело? В ожидании оно кажется вечным. Я почувствовал, что хочется какой-то разрядки: радость, что зверь останется живым начала сменяться лёгким разочарованием от несбывшейся удачи и неудовлетворённой охотничьей страсти. И всё же я ещё надеялся услышать выстрел, охотничья страсть возобладала. Ожидал, но он прозвучал всё

равно неожиданно и резко, что я даже вздрогнул. Всего лишь один выстрел слева, затем там же что-то зашелестело, хрустнуло и стихло. Немного погодя, послышался голос старика:

– Парни, идите сюда. Однако, хорошо попал: далеко не уйдёт.

Все подтянулись к нему. Ситуация пока была совершенно не понятна: кто стрелял, куда попал? Хитро щурясь, раскуривая трубочку, указал рукой и оповестил:

– Хороший трофей будет, однако. Там он, в ста метрах лежит, – и не спеша стал спускаться в небольшой ложок.

Когда он успел всё это выяснить? Илья, обогнав всех, первым ринулся к поверженному рогачу.

Я засыпал Володю вопросами:

– Ты видел что-нибудь? Видел самого марала-то? Это старик стрелял?

– Нет, самого марала я не видел, слышал только, как он идёт и фыркает или дышит так громко. А потом – бах! – выстрел, топот и всё, – с заметным разочарованием ответил Володя.

– Неужели вот так, одним выстрелом, своей «двадцаткой» свалил? – выразил я сомнение. Ещё поразило то, что зверь вышел именно на старика. Как тот предугадал, где встать? Или бык шёл строго на звук, издаваемый манком?

Меня слегка лихорадило от избытка эмоций. И это при том, что я был в стороне от непосредственного места события и не видел деталей произошедшего. Но воображение на грани реальности дополняло упущенный недостаток, и мне представлялось, что этим охотником был я. Ещё будучи подростком, до службы, мне несколько раз удалось испытать счастливое чувство удачного выстрела. Но то было, скорее всего, по-детски наивное чувство победы над собой, что смог, сам научился и так далее. Азарта зрелого не испытывал. А в этот момент, несмотря на то, что зверь был добыт не мною, я впервые испытал настоящую страсть охотника, радость от такой удачной охоты. Уверен, что повлиял на меня и таёжный дух, и зверь внушительный, ранее мне не знакомый. И вообще, всё необычное, что связывало с этой охотой. Наверное, без этого переживания любой начинающий охотник не может состояться как охотник настоящий. И это не была алчность и ликование над добычей ради добычи, ради мяса, – об этом я вообще не думал. Это было какое-то необъяснимое чувство...

Уже глубокой ночью мы вернулись в свой лагерь. Молча, без лишней суеты и шума наскоро перекусили и улеглись спать. Какое-то время я лежал, устремив взор в ночное небо, пытаюсь отыскать хоть одну звёздочку, но тучи плотно завесили небесный экран. Меня унесло куда-то вдаль, в размышления: я пытаюсь осознать суть охоты. А возможно, я искал оправдания и своего, и всего охотничьего братства в том, что мы вторгаемся в природу и отнимаем у неё её же обитателей. Откуда вообще берётся эта страсть охотничья? Может быть, она передавалась нам от наших предков, которые благодаря охоте и рыболовству выживали. Тогда можно сказать, что это сама природа наделяет тех или иных людей определёнными наклонностями, способностями, страстями: кому рыбаком быть, кому охотником, а кому – и тем, и другим (если не касаться других человеческих интересов и сфер деятельности). И это не что иное, как зов природы. Воспротивиться ему – значит пойти против природы. Может быть, каждому, кто услышал этот зов, самой природой дано моральное право заниматься охотой? А охота – это добыча, разными способами, но добыча. Тем, кому суждено стать охотником, наверное, должен пройти через это. Если мечтатель, решивший за компанию стать охотником, вдруг испугался крови или просто пожалел убитое животное, он уже не пересилит себя и тихо забудет о своей мечте. Это не его стезя... Но охотник – это не варвар и не убийца, он просто добытчик. Разве можно назвать таковыми Илью или Тимофея Сильча? А я? А друг мой, Володя? Мы же не варвары. А потом, сколько писателей, которых мне посчастливилось узнать по их рассказам и повестям об охоте, были охотниками! Но писали в своих произведениях больше о людях, о природе, о животных и птицах, но не преподносили охоту как убийство. На первом месте были эмоции и чувства. Да ведь я уже знал немало и таких охотников, для которых добыча вообще

не важна. Это были просто охотники-романтики. Для них достаточно было просто побыть на природе, попить у костра чая в компании себе подобных, достаточно послушать работу собак и без выстрела вернуться отдохнувшим домой. А это больше относится к духовной стороне нашего увлечения... Но у любого из нас точно будут гореть глаза от упоминания об охоте (даже об охоте с фотоаппаратом), дрожать от волнения и азарта руки при виде любой дичи и каждого будут переполнять эмоции после удачного выстрела.

Конечно, Илья и старик выглядели спокойными (или старались не выдать себя перед нами) и не испытывали таких эмоций – они прошли через это в далёком прошлом, каждый в своём детстве или юности получил первый опыт добычи, испытал удовлетворение от удачной охоты. Для них и для многих-многих других людей, для которых охота является средством существования, а может, и выживания, это вполне обыденное явление. И радовался старик, хитро шурясь, может быть, больше от того, что удачный выстрел имел практический смысл – добыли продукт... Но я видел, как горели его глаза азартным огоньком с того момента, как он рассказывал нам об особенностях этой охоты, вплоть до того, как разошлись. И когда сошлись после выстрела, я заметил мелкую дрожь в руке, когда он раскуривал трубку. Имея за плечами такой большой охотничий стаж и множество пережитых удачных мгновений, ветеран так же разволновался, как начинающий. Значит, дело вообще не в добыче! Может быть, страсть в охотнике будет жить до тех пор, пока он не почувствует, что ему жаль становится убивать дичь. Тогда человек перестаёт быть добытчиком. Во всяком случае, с ружьём. Но в душе, наверное, останется охотником-романтиком и вместо огнедышащего оружия возьмёт в руки фотокамеру? Или перо, чтобы писать мемуары... Может быть и так. В этом мне предстояло ещё убедиться в дальнейшей своей жизни. А как она сложится, время покажет.

Трудно сказать, до чего бы я додумался ещё, но мои мучительные поиски истины и сути этого древнего человеческого занятия незаметно прервал спасительный сон.

На другой день всем табором навалились на приготовление копчёного мяса по методике и рецептуре местных алтайцев. Руководил всеми старик. Методика несложная, но требующая как минимум двух-трёх дней засолки в тузлучном рассоле. А после этого коптится на тут же выстроенном из сырых ольховых жердей «станке». Уже прогорели пламенем сухие кедровые и берёзовые кряжи и начали отдавать жаром крупные угли. Быстро закидав «жаровню» приготовленными сырыми ветками ольхи, черёмухи, облепихи и чёрной смородины, настелили сырыми же толстыми жёрдочками стеллаж. Выложили на него нарезанное продолговатыми полосками филейное мясо. Сверху закрепили длинные жерди, и всё это сооружение укрыли брезентом. Получилась импровизированная коптильня.

К концу дня процесс копчения развился в полную силу и уже не требовал нашего присутствия и участия. К тому же дождь, робко накапывавший с утра, к вечеру не на шутку разошёлся. Крупные капли барабанили по навесу, который в порывах ветра весь колыхался, вызывая некоторые опасения по поводу своей устойчивости. Из всей нашей компании спал крепким сном один флегматичный Толя, похрапывая в своём углу. Между теми, кто не спал, завязался разговор о жизни, о тайге. Говорил, однако, больше всех только старик:

– ...Природа, она сильная, могучая. Это на первый взгляд она только красивая и ласковая. Всё даёт человеку: и мясо, и рыбу, грибы и ягоды, траву и дрова; вода и воздух – тоже от неё. Но она же в одно мгновение может и отнять у нас всё: и еду, и жильё, и даже жизнь. Мы все зависим от неё, поэтому и уважать её все должны. Любить – все любят: «Ах как красиво, ах какие ягодки вкусные!» Но не все уважают и почитают неписанные законы. Тогда природа и сгубить может. Сколько людей бесследно в тайге пропадает! Наш народ уважает тайгу, богов своих почитает, как учили нас отцы и деды, тяжёлым трудом добывали на пропитание или в казну, но лишнего не брали и нас этому учили. И она нам отдаёт свои дары. Но вот когда много берут и варварски – она противится. Это всё равно, что женщину силой заставить себя любить. В прошлом году вон там, у гольцов, – старик показал вдаль рукой, – вертолёт всё кружил. С

него и горных баранов, и маралов стреляли. Кто это был, нам не известно. Но упал вертолётчик-то! Закружил его вихрь, заломал винт и рухнул он на землю. Три дня искали. Пятерых нашли, и ни один не выжил. Вот так, не жадничай! Глядишь, и живы были бы те люди, если бы не пожадничали.

Старик умолк, сосредоточенно набивая трубку. Никто не проронил ни слова, все ждали продолжения. Я тоже потянулся за сигаретами. Илья, угадав мои намерения, попросил угостить сигареткой. Всем нам, видимо, понадобилось какое-то время, чтобы осмыслить сказанное, словно табак помогает закрепить единомыслие, возникшее между нами в этой ночи у незаходящего даже под каплями дождя костра. Мне не терпелось спросить у рассказчика, где он руку потерял. Казалось, неудобно об этом спрашивать, напоминать, но я рискнул. Вопреки ожиданиям старик охотно заговорил:

– В начале войны многих охотников у нас оставили в тайге по брони мясо и пушнину промышлять, лес заготовливать да сплавливать, – повёл он свой рассказ, попыхивая трубкой. – Мне двадцать три года только стукнуло. А я уже был хорошим охотником, и мне бронь дали. А весной сорок третьего по Лебедю плоты гнали. Трое нас на плоту было. Ударило на извороте в скалу, я и не устоял, рухнул в воду. Но успел выбраться сам, только руку и прижало между брёвнами. В крошево рука превратилась, плетью стала. Три дня до центра добирались – вот и загнило. Доктора и отсекли почти по плечо.

Ненадолго задумался старик, наверное, вспоминая прошедшие времена. Он открылся сейчас для меня совсем другим человеком, превратившись из маленького простодушного старичка в мужественного, крепкого и обстоятельного человека, достойного глубокого уважения. Даже про себя назвать его стариком было уже неудобно и несолидно. Хотелось назвать уже Тимофеем Силычем. Именно Силыч ему подходило, кстати. Будто сказкой повеяло о Добрыне Никитиче.

– Да, получается, Вы, Тимофей Силыч, как на фронте воевали, даже руку потеряли, – опередив меня, проговорил Владимир, которого эта история тоже зацепила за душу.

– Год заживало, не мог ничего делать – несподручно одной-то рукой, – смахнув воспоминания, продолжил старик. – Привыкал к себе новому. И охотничать, и дрова рубить, и многое другое – всему заново учился. К этому времени уже женой обзавёлся, стал её брать с собой в помощницы. Ружьё вот подобрал себе: лёгкое и надёжное. С тех пор оно со мной и живёт. С двустволки целиться не научился, да и тяжёлое оно для одной-то руки. Так и выжили. Теперь думаю, отними у меня вместо левой руки правую, также бы приноровился левой из ружья стрелять, но без охоты бы не остался. Нельзя в тайге без охоты жить. Для нас нет другой жизни. Это сейчас молодёжь больше глазом в город косит, не остаётся в селениях, тайги бояться начинают. Добрых охотников всё меньше остаётся. Больше хулиганов стало под видом отдыхающих. Браконьерят в лесах и на реках безобразничают. Раньше охотники друг друга знали наперечёт, по соседству промышляли и в чужие участки не заходили. Уважали. Зверя всем хватало. А сейчас алчность одолела людей. Много лезет в тайгу чужаков и на машинах, и на вертолётах. Кедровники рубят нещадно, сколько их уже выпластали. А ведь в тайге вся живность кедром жива. И людям на пользу. Но рубят, целыми леспромхозами рубят. Беречь его надо. Не дело это. Обидится природа, осерчает и лишит нас всего, – закончил старик тем же, с чего начал разговор, но выглядел он уже немного понуро. С некоторым недовольством, как мне показалось, стал снова раскуривать потухшую трубку.

Мне подумалось о том, что не для того ли они нас – москвичей – сюда заманили, чтобы высказать это всё наболевшее, в душе надеясь, что мы там, в Москве, замолвим за них словечко и поможем сохранить их большой, такой щедрый и гостеприимный дом под названием «тайга». Конечно, я слишком высоко о себе возомнил, подумав так. В тот момент с трудом мог себе представить своё будущее, и роль спасителя мне была вообще не известна. Многого не знал

о жизни этих людей, но поверил Тимофею Силычу. Искренне захотелось больше познать и помочь.

Утром третьего со времени нашего прихода дня мы откушали уже готовое блюдо. Нам пора было собираться в обратную дорогу. Свои планы алтайцы нам не раскрыли. Щедрые, гостеприимные добытчики снабдили нас весомой долей вяленого, копчёного мяса, которую мы разложили по своим рюкзакам. Ещё я загорелся вынести с собой трофейные рога; так жаль было их оставлять, – алтайцы охотно подарили и их. Володя отговаривал меня от этой несерьёзной затеи, соизмерив тяжесть пополнившихся рюкзаков и сложностей, ожидавших на обратном пути. Действительно, нам с новым грузом желательно было без огрехов миновать территорию заповедника. Да и мало ли других ситуаций может возникнуть. К тому же начавшийся накануне моросящий дождь превратился незаметно в сильный и лил всю ночь как из ведра. На наше счастье, уже засветло прекратился. Импровизированную коптильню спас брезент, мы отсиделись под натянутым пологом, а вот тропа размокла и стала скользкой. Распрощавшись с охотниками, двинулись после сытного завтрака в путь. И всё-таки я потащил рога, водрузив их поверх рюкзака. Первые несколько сотен метров мне дались относительно легко. Но Володя, тем не менее, далеко вырвался вперёд. Несколько раз останавливался, поджидая меня. Проблема ещё была в том, что подъём в гору был крутой и скользкий. Несколько раз я падал на колени, разодрав их в кровь. Рога падали на землю. Один раз больно ударили по голове. Через километр я не выдержал, хотя до перевала уже было рукой подать. Понял, что не донесу. «Они меня, нет, нас обоих, погубят», – согласился я. Скрепя сердце и «со слезами на глазах» положил их возле большого камня. Интересно, кто-то увидел их потом? Может, они украшают стену чьей-то квартиры? Или до сих пор подпирают тот камень на склоне перевала? Что же – не судьба!

Уже по известному нам маршруту шагалось легко, если не считать раскисшую тропу. Тем более дорога домой кажется всегда легче – таёжный балаганчик в кедровом урочище стал для нас пусть и временным, но домом. Спуск с перевала также давался нелегко с потяжелевшей поклажей за спиной. Приходилось руками цепляться за корни, ветки и порой в буквальном смысле съезжать по уклону. Миновав крутые откосы и перейдя в более пологий спуск, помня об осторожности, мы сошли с тропы. Собаки вновь были на поводках. На сей раз нам не то чтобы кто-то встретился, но мы даже не услышали никаких голосов. Возле промежуточной егерской избушки мы были уже в полдень. После нас здесь никто так и не был. Это успокоило и придало уверенности. Обошлись небольшим костерком, чтобы вскипятить только чай, перекусили сухим, но калорийным и сытным пайком – копчёным мясом, показавшимся нам деликатесом.

Мы уже предвкушали прибытие в лагерь, завистливые вздохи и взгляды Игоря в ответ на наши рассказы. Усталости не чувствовалось и до незначительной преграды, которую такой не считали, – реки Камга – дошли незаметно. Никаких опасений по поводу возможных злоключений в голове и быть не могло: всё шло удачно, и это нас несколько расслабило.

Подойдя к тому месту, где мы переходили реку, не узнали его. Не узнали и саму реку. Проливной дождь, хлеставший всю ночь, наполнил все ручьи, большие и малые реки мутной водой; камни, по которым мы перескакивали, скрылись под мощными клокочущими бурунами. Камга превратилась в грозную, бушующую реку, похожую на свирепого извивающегося и рычащего зверя, которого пытаются загнать в клетку. Переходить вброд было бы безумством: с тяжёлыми рюкзаками, с собаками снесёт запросто, и последствия непредсказуемы. Хоть и не широка стремнина, но без потерь не пересечь.

– Ха-ха-ха! – засмеялся я. – Вот тебе и скоро дома будем! Сейчас либо на перевал выше подниматься надо, либо ждать, когда вода спадёт. Что выбираем? А, Володя?

– Давай вверх немного пройдем, посмотрим, может, что-то подходящее для переправы найдём, – ответил напарник. – Да она любое бревно сметёт. Смотри, какая вода. Но что-то делать надо. Пошли.

Прошли уже полкилометра вдоль реки, но подходящего, а главное, более или менее безопасного, варианта не находилось. Перспектива вымокнуть и разбиться о камни под действием мощного потока не прельщала. Сбросив ношу, присели отдохнуть и подумать. Может быть, одновременно эта мысль пришла нам обоим в голову, потому что многозначительно посмотрели друг на друга, но я первым крикнул:

– Есть идея! Мы её перепрыгнем при помощи шеста.

– Точно, точно. Вполне реально. Три-три с половиной метра, наверное, удастся перепрыгнуть. Только, как собак перекинуть? – поддержал Володя.

– Свяжем два поводка. Надеюсь, хватит. И перетащим их по одной. Другого выхода нет.

Вырубили шест из черёмухи: гибкий и крепкий, правда, не очень ровный. Ещё прошлись по берегу в поисках лучшей площадки и узкого места. Окончательно определившись, решили потренироваться в прыжках на суше. Что-то более или менее сносное получилось с пятой попытки. Первым пошёл Володя. Разбежался, оттолкнулся. Почти удачно приземлился, чуть-чуть не долетев до противоположного берега: ногами плюхнулся в воду, ударившись о камни. Но успел выскочить, потеряв при этом шест – унесло. Ура! Есть почин!

Володя скорчил болезненную гримасу и стал снимать сапоги. Задрав штанину на правой ноге, показал уже расплывшийся багровый синяк.

– Как нога? Не сломал? – спросил я.

– Нога цела, только ушиб.

Приготовил ещё пару шестов. Немного разгрузив от крупных вещей рюкзаки, я успешно перекидал их на другой берег. Ружьё, завернутое в спальник, тоже отправилось следом. Предстояло, пожалуй, самое сложное – это переправить собак. Первой ждало испытание Ладу. Прицепив связку поводков к ошейнику и подтянув его, чтобы не соскользнул, другим концом, привязанным к шесту, подал Володе. Обошлось без особых нюансов. Одним рывком Володя буквально выдернул её из воды. Аза, увидев, что сотворили мы с её сестрицей, не давалась в руки, чтоб прицепить поводок. Она и в спокойной ситуации в воду шла неохотно, а сейчас, смекнув, что и ей предстоит то же самое, отбегала от меня. Применив некоторое усердие, кое-как «обуздал» её. Поскольку Аза была по комплекции погрузнее Лады, не обошлось без затруднений: она чуть дольше барахталась в воде, пока Володе удалось её вытащить. На берегу она чихала и кашляла, трясла ушами, шаталась, как пьяная, – досталось бедной собачке. На этом берегу из наших вещей уже ничего не осталось, всё переправили. Осталось дело за мной. Я разбежался, с ходу уперев шест в дно, прыгнул. Но когда я уже завис над рекой, шест начал терять опору, соскользнул с камня и меня плавно начало кренить наискось к берегу вдоль течения, и я с лёту плюхнулся прямо в стремнину. Моё разгорячённое тело сразу пронзила её холодная свежесть. Но опасность таилась в другом. Бурное течение подхватило меня, ударило о большой, наполовину торчащий из воды камень и всем речным напором придавило к нему спиной. Не знаю, как я выглядел со стороны, но, думаю, что похож был, наверное, на лягушонка, беспомощно барахтавшегося всеми четырьмя лапами, пытаясь за что-то зацепиться или наоборот оттолкнуться, лишь бы выпрыгнуть из бушующей стихии. Может быть, моему спутнику тоже так показалось, потому что в пылу «борьбы за живучесть», как когда-то на службе на учебных корабельных тренировках, я мельком заметил на Володином лице не ужас от случившегося, а едва скрываемую ироничную улыбочку. Он озабоченно метался по берегу в поисках шеста и кричал что-то успокаивающее. Возможно, на меня это подействовало ободряюще. Хотя я и ощутил себя одним из двух борцов, сошедшихся в неравной схватке, но в данном случае слабым борцом был я. А сильный борец – стихия, она мощным течением сдавливала мне грудь и била струями по лицу, пытаясь залить глотку водой и ослепить меня. Но я сопротивлялся,

как мог. Нашупав опору на дне, раскинув руки, осторожно стал передвигаться вдоль камня, приближаясь к берегу. Тут и Володя подрос, протянул какую-то корягу. Я крепко ухватился за неё, и он одним рывком вытянул меня на берег. Теперь мой спаситель, уже не сдерживаясь, откровенно захохотал, упав спиной на землю, задрыгал руками и ногами, наверное, изображая меня. К удивлению, я несильно расстроился из-за неудачного прыжка, тем более что самое неприятное было уже позади – Володин смех заразил и меня. Возможно, это была обыкновенная эмоциональная разрядка от стресса. Главное – мы все на другом берегу, слегка помятые, но целые. Это было большой радостью. К счастью, у Володи спички оказались не подмоченные – через некоторое время уже разгорался костёр и от развешенной вокруг него одежды уже исходил лёгкий парок.

До лагеря оставалось менее пяти километров. Подсушив одежду и подкрепившись обедом, поднимались по ручью. Собаки плелись сзади – после водной процедуры ещё окончательно не оправились и выглядели довольно вяло. Особенно неважно чувствовала себя моя Аза, которая то и дело трясла головой, выгоняя воду из ушей, и всё ещё чихала. Володя, шагавший впереди, неожиданно остановился и замер, подняв левую руку вверх. «Ну, конечно, он что-то увидел. Глухарь, наверное, сидит», – подумал я. И шёпотом спросил его:

– Что там?

– Медведь, медведь, – также шёпотом ответил Володя. Слегка пригнувшись, попятился чуть назад, давая мне обзор. Метрах в ста или чуть больше прямо по курсу я тоже увидел медведя, точнее медвежонка, величиной с крупную собаку. Он суетливо и испуганно перемещался из стороны в сторону, глядя в нашу сторону. Останавливался, привставая на задние лапы, и, фыркнув, снова пускался в бег. В конце концов, развернувшись к нам задом, заковылял влево от ручья.

– Так это же медвежонок! Где ты медведя увидел? – проговорил я.

– Да куда ты смотришь? Левее, левее смотри. Это, выходит, медведица стоит. – В словах Владимира послышалась некоторая робость или неуверенность. Я взглянул, куда указывал Володя, и увидел её. Было от чего растеряться: у кромки ручья неподвижно стояла и настороженно смотрела на нас огромная медведица...

...Я видел в зоопарке медведя. Он был очень крупный, но выглядел невзрачным и несчастным, каким-то домашним и не внушал страха. Трудно сказать, была ли эта медведица по размерам крупнее своего «клеточного» сородича, но в моих глазах в своей природной стихии она выглядела грозно и величаво, всем своим видом внушая превосходство над непрошеными гостями. Несколько минут она стояла, как изваяние, не выдавая своим поведением ни малейшего страха, ни враждебности. По всей видимости, она изучала нас, пытаясь своим звериным умом понять, какую опасность мы представляем для неё, а главное – для её малыша. Внутренний голос подсказывал, что эта «машина» в любую секунду может броситься на нас, если почувствует опасность для своего отпрыска. Нужно было показать своим поведением, что мы не намерены причинить им зла. Пока собаки не учуяли медведей и не взялись лаять со страху, я попятился медленно назад и негромко стал зазывать их за собой. Володя стоял, не шевелясь. Возможно, это принесло какую-то пользу: оценив ситуацию, медведица резко и негромко рывкнула, что явно относилось к медвежонку. Дождавшись, когда он опередит её, медленно развернулась и, как мне показалось, с чувством достоинства, степенно удалилась в заросли, до последнего не спуская с нас глаз.

– Фу-у, – разом облегчённо выдохнули мы. – Миновало.

Захотелось присесть, перекурить, успокоиться. Заодно и дождаться, когда медведица отойдёт дальше от нашей тропы. Собаки по-прежнему не ведали о случившемся. И слава Богу! Я уверен был, что пользы бы нам они не принесли своим шумом, но навредить могли. Неизвестно, как бы отреагировала медведица. А Володя явно был застигнут врасплох со своим

ружьём: он сидел и рылся в своём рюкзаке в поисках пулевых патронов. Да, элементарная беспечность, которая могла дорого обойтись.

Наконец успокоив свои нервы и уверовав, что звери ушли далеко, тронулись дальше. На сей раз ружьё, заряженное пулями, Володя держал в руках наизготовку. И мы, нарочито громко разговаривая и подбадривая собак, миновали опасное место. Остаток пути завершили благополучно; все приключения, выпавшие на нашу долю, закончились. В лагере стояла тишь и благодать. Игорь отдыхал в чуме и наш приход не услышал. Буран также не проявил особого внимания, вяло поприветствовал хвостом, обнюхался с нашими собачками и улёгся на своё место под кустом. Так закончилась наша «рыболовная» эпопея, которая принесла нам с Володиной массу приятных впечатлений и удовольствия. А также и некоторый опыт таёжной жизни.

Следующий день ушёл на вынос мешков с орехом к дороге и подготовку к отъезду из этого гостеприимного урочища. Наши доброжелательные соседи по лагерю оставались на следующий период. А мы утром дождались уже ставшего нам приятелем Пашу на его верном ЗИЛе, загрузились и отбыли в село, на постоянное место дислокации.

Через пару недель судьба раскидает нас по разным местам практики. Каждый из нас выберет на своё усмотрение промысловые участки, и мы расстанемся на несколько месяцев, занимаясь промысловой охотой. Всё то, чем мы успели позаниматься в тайге, какие работы проделали, что нового познали, какой опыт извлекли – всё это прямо или косвенно входило в курс обучения «охотничьему ремеслу». Но пока что это были познания о второстепенных навыках, необходимых в тайге, из области прикладных, а впереди нас ожидал главный этап в освоении профессии охотоведа, который давал понятие, каким трудом и потом даётся добыча таёжной пушнины. Этот этап вплотную сближал теорию и практику. Мне предстояло осваивать охотничьи угодья с другим моим однокурсником, тоже другом. Но это совсем другая история.

Часть вторая. На промысле

1

20 октября прошёл слёт охотников в районном центре в конторе коопзверопромхоза, и все таёжные охотники уже готовились к предстоящему промыслу. Студенты, приехавшие из Москвы на практику, тоже были заняты сборами. На общих условиях заключили договоры на добычу соболя, норки и прочей попутной пушной мелочи. По окончании этого мероприятия все практиканты, в том числе и я с моим новым напарником Мишей, были распределены по участкам этого промыслового хозяйства, занимавшего почти треть территории района. Мои прежние сотоварищи по промыслу маральего корня и кедрового ореха, Игорь с Володей, выбрали самостоятельно участки по своему усмотрению. Володя нашёл общий язык с одним из опытейших и знатных промысловиков на всю округу, и тот согласился взять его в ученики. Игорю достался глухой таёжный посёлок, где ему отвели свой участок. Миша приехал на место практики позднее нашей троицы и практиковался до этого в другой компании на других участках. Встретились с ним уже в конторе во время мероприятия и как-то так, между прочим, определились с вариантом совместного охотничьего промысла в одном далёком зимовье. Об этом урочище рассказывал мне ещё накануне начальник участка Ермолин. Видимо, запал в душу его рассказ о тех местах, богатых зверем и птицей. О чём я с Мишей и поделился. Его глаза также загорелись азартом. На том и порешили – едем вместе.

Когда собирались и закупали у Ермолина продукты и снаряжение, он между делом поведал нам, что в кооп зверопромхозе, как и в другой любой конторе, всё-таки приоритет отдавали штатным, опытным людям, которые гарантированно дадут план. Но каждый год приезжали практиканты, и руководство обязано было обеспечить их фронтом работы. Всякие попадались, но в основном ребята неплохие, увлечённые, готовые к всяким лишениям. Тем не менее, штатные охотники редко соглашались на обучение студентов: не хотели брать на себя лишнюю обузу, боялись, что отвлекать их будет эта неприспособленная молодёжь. Не верили в студентов, мол, поживут от силы месяц в тайге да и сбегут обратно к себе «в столицы». Сам он тоже не в восторге был от того, что снова ему на участок дали студентов. Откровенно сказал, что ответственность за нас немалая, а условия такие же, как и для опытных штатных промысловиков... Сможем ли мы хоть пятую часть плана сдать? А главное – парни молодые, «необстрелянные», без навыков и одни в тайге, сами по себе, без подстраховки. Вот и болит у него душа за всех, а ничего не изменишь – приказ. К тому же участки не ближние.

Но закончил ободряюще:

– А у вас, вроде, настрой хороший. Похоже, вы парни серьёзные, с толком собираетесь, интересуетесь всем. Верю, что у вас получится. Ну, дай Бог!

От таёжного посёлка Бийка до зимовья, где нам предстояло промышлять, было примерно тридцать километров, если учесть все зигзаги и неровности. Но дороги туда мало-мальской, как я потом понял, не было – было направление в виде колеи, проделанной несколько лет назад гусеничным трелёвочным трактором, она так и называлась – Тракторная. Похоже, не было особой нужды в этой дороге – ни конной тропы не набито, ни даже человеческого следа рядом не видно. Со слов Ермолина, зимовье это было построено сравнительно недавно для сборщиков клюквы и стояло оно где-то на краю болота. Вот до него-то и лежал наш путь.

Повёз нас сам Ермолин на своём гусеничном тракторе ДТ-75. В тележку загрузили скарб, кое-какие материалы, продукты, собак. И мы – будущие добытчики – залезли. Тронулись. Чуть более часа ехали по насыпной гравийке: трактор весело лязгал гусеницами на пятой

передаче. Но вот свернули на грязную, с большими лужами, разбитую когда-то трелёвочными тракторами, предназначенную только для них, дорогу. Хотя дорогой её назвать можно было условно, точнее было бы сказать: впереди простиралась цепочка котлованов непонятной глубины, заполненных грязной жижей. Трактор, выныривая из одного котлована, тут же утопал в следующем; телегу болтало из стороны в сторону, порой гусеницы трактора, полностью утопавшие в луже, взбурлив отстоявшуюся жижу, выталкивали её за края, образуя целые водопады по обочинам. Так продолжалось около часа; ползли совсем медленно. Мы уже счёт времени потеряли, и нам казалось, что едем целую вечность. Подумалось: такая дорога всякую романтику мигом отобьёт. Постепенно к тряске привыкли, крепко держась одной рукой за борт, другой придерживая собаку за ошейник. И уже стало казаться, будто мы плывём на огромной лодке и нас ритмично качает на волнах. И, если бы не беспокойство о собаках, можно было бы и вздремнуть. О, бедные собаки!.. Каково было им! Глаза чуть ли не на выкате, языки почти на полу, слюна бежит... Но отпустить их своим ходом мы не решались: молодые, неопытные, могут повернуть назад. Некоторые вещички развязались и метались по телеге от борта к борту, но ловить их было опасно: можно и самому вылететь за борт.

Ермолин был увлечён только дорогой. Уже устал рычагами ворочать – старался в колею попасть, не вылететь из неё. Изредка оглядывался назад: на месте ли груз. Но всё-таки где-то он прозевал, не притормозил – сам трактор проскочил промоину в правой колее, а вот тележка, резко провалившись передним колесом, круто накренилась на правый борт и опрокинулась на бок. И всё её содержимое с визгом и криком полетело на землю. Трактор встал. Я никогда ранее не испытывал полёт на катапульте, но после этого я понял примерно, что это такое. Возможно, я пролетел по воздуху не меньше пяти метров и, описав дугу, плюхнулся на землю. К великому счастью, нам всем повезло – приземлились все удачно, включая и наших собачек. Если не брать в расчёт лёгкие ушибы и ссадины. Как ни странно, никто из нас не ругался. Наоборот, стало даже смешно. Наверное, смех явился своего рода разрядкой от сложившейся стрессовой ситуации. Конечно, могло быть и хуже – тогда было бы не до смеха.

Собак поймали, привязали. Стали думать, как тележку на колёса ставить. Слава Богу, Ермолин – мужик тёртый: отцепил тележку, поставил трактор поперёк неё, закрепил трос к ней и потихоньку поставил на колёса. Закидали всё обратно и тронулись дальше.

Уже во второй половине дня остановились на берегу красивой и широкой, но неглубокой реки. Несмотря на каменистое дно, течение было довольно спокойное. Мы с удовольствием зашли в речку, умылись и напились прохладной горной воды. Сквозь чистую, прозрачную воду просматривался каждый камешек. От наших шагов метнулся в тёмную глубь небольшой косячок молодых харюзков.

Ермолин, умывшись и вытирая лицо изнанкой кепки, сказал:

– Здесь брод, оттого и мелкой река кажется. По весеннему паводку по ней ещё лес сплавляют. Кстати, называется Байгол. До вашего зимовья километров восемь осталось. Зимой будете выходить, ориентируйтесь на это место. Здесь недалеко старый барак есть. Скоро сюда заготовители леса – сплавщики – заедут. Зимой будут лес готовить. Имейте это в виду. Мало ли что понадобится, можете до них дойти.

От реки Байгол мы ехали уже совсем медленно. Давно-давно проложенная колея местами затянулась травой и мелким кустарником. Местность немного заболотилась – появилась опасность завязнуть гусеницами трактора в болотной жиже. Ермолин старался объезжать такие места, и тогда возникала опасность зацепиться бортом телеги или колесом за какое-нибудь дерево или пенёк, что не сулило тоже ничего хорошего. Нам же опять только и приходилось, что уворачиваться от толстых ветвей деревьев, чтобы не быть сброшенными с телеги.

И всё-таки до конечного пункта доехать было не суждено. Колея нырнула в небольшую речушку. Похоже, здесь был наведён когда-то бревенчатый мост, но его, судя по всему, смыло весенними паводками. Ермолин остановил трактор, вылез из кабины и крикнул:

– Всё, выгружайся, дальше не проедем. Здесь до зимовья ещё километра три будет. Эта речка Яндач называется. Вброд на тракторе можно увязнуть. А вам в болотниках можно пройти. Идите сначала налегке, только самое необходимое возьмите. А потом потихоньку всё перетащите. Колея до самого болота видна будет, не промахнётесь. Изба на видном месте, засветло ещё успеете дойти. Яндач впадает в речку Тогуна, в полутора километрах отсюда. Здесь и будут ваши охотничьи угодья. Осмотритесь. Вторую избу найдёте – я вам говорил, где она стоит. Назад дорогу тоже найдёте, не заблудитесь.

И пожелав ни пуха ни пера, залез в трактор, начал разворачиваться в обратный путь. Оба охотника молча и растерянно смотрели вслед уезжающему трактору. Такое начало дела их явно удручало. Закурили, переглянулись.

Вот так мы, четверо начинающих добытчиков (с учётом двух собак), въехали в далёкую тайгу Горного Алтая, и начались наши нелёгкие охотничьи будни. А всё бы ничего особенного, если бы не ряд обстоятельств, которые вызывали у нас некоторое волнение. Главное – мы с Мишей впервые оказались с глазу на глаз с неизвестной тайгой, с незнакомыми условиями таёжной жизни. Мизерный опыт, полученный мной за осенний недолгий период на заготовке ореха, ещё не давал уверенности в завтрашнем дне. К тому же мой друг Мишка вообще не имел охотничьих навыков. Он вырос в шахтёрском городке на Украине. И ружьё – одностволку Иж-18 двадцать восьмого калибра приобрёл буквально перед практикой.

Я уже имел небольшой охотничий опыт. Вырос в посёлке, где боры сосновые и дубравы, дичь там водилась разная. И охотой я увлёкся с детства. Настоящим охотником считать себя было рано, хотя неплохо уже разбирался в следах. Да и здешней практики было пока мало. Но нас с Мишей объединяло одно очень важное обстоятельство – мы были молоды и энергичны, в наших сердцах кипела страсть к познанию. И мы были из той категории людей, которые готовы были променять городской комфорт на неустроенную таёжную жизнь, полную лишений и опасностей...

Накурившись вдоволь (в кузове болтающейся тележки у нас такой возможности не было), мы приободрились, обговорили, что взять с собой в первую очередь, и тронулись. Нам уже не терпелось скорее познакомиться со своим новым жилищем, которое должно стать приютом на целых четыре месяца.

После почти часовой разминки по зарастающей молодой порослью просеке, обозначенной когда-то тракторными гусеницами, мы выбрали на небольшой светлый взгорок и увидели то самое зимовье. Окружённое с трёх сторон берёзами и осинами, стояло оно почти у самого спуска к огромному чистому безлесному пространству, именуемому болотом.

В первое мгновение нас постигло разочарование. Из книг мы оба имели представление об охотничьих зимовьях. Но здесь стоял обыкновенный бревенчатый сарай, причём срубленный наспех. Видимо, в тот год хороший урожай клюквы уродился, или план по ней подкинули промхозу, вот и понадобился срочно дом для артели. Кроме этого сарая, ничего рядом больше не было. Внутри стояли высокие нары во всю противоположную стену, слева от двери – большая железная печь, напротив, под небольшим окошечком, – узкий столик. Сразу бросились в глаза зияющие сквозные дыры по углам. К ещё «пушей радости» для себя, мы не обнаружили ни одного полена дров.

– Вот попали в рай! Может, это не то место, может, где ещё изба есть, – попытался утешить себя Михаил.

– Да нет, Миша, наша это изба, судя по Ермолинскому описанию, – уверенно, но с чувством сожаления от этой уверенности, утвердил я. – Давай дров вначале на ночь наготовим, а то стемнеет уже скоро, да еду успеть бы приготовить.

Наутро проснулись разбитыми и не отдохнувшими. Хоть и конец октября ещё, но ночи уже прохладные, с лёгким заморозком, а сквозная вентиляция по углам избы не способство-

вала сохранению тепла. Пока готовили ужин, печку раскопегарили. Ложились спать – жара невозможная. Но среди ночи пришлось вставать, подтапливать. Одежда осталась ещё на месте выгрузки. Стало понятно, чем нам первые дни заниматься. Сколько уйдёт времени на обустройство? Сколько сможем дров навалить? Также чётко мы осознавали – обратной дороги нет, надо осваиваться и хорошо подготовиться, чтобы не горевать, когда морозы ударят.

– Никто тут «запас для солдата не припас», – пошутил я, – тайге придётся нас немного подождать. Ох, а как не терпится скорее сорваться да осмотреться, что тут за места!

2

Октябрь был уже на исходе. Рутинные дела наконец закончены. Двуручной пилой (в простонародье её прозвали «Дружкой-2») мы наготовили две поленицы дров из сырых берёз и осин, что стояли ближе к жилищу. А сушняк пришлось искать далеко, метров за триста, а то и более – его попросту рядом не оказалось: может, предыдущие обитатели рядом всё уже выпластали. По прикидкам, должно хватить дров примерно месяца на полтора-два. Законопатили щели в стенах и по углам, утеплили потолок, отсыпали завалинку вокруг избы. Оборудовали и собачкам закуток. Можно было наконец приступить и к охотничьим делам. С вечера, после ужина, при свете фонаря мы разглядывали карту, которой снабдил Ермолин, как киношные полководцы, тыча в карту пальцами, планировали завтрашний путь. За те несколько дней, которые мы потратили на обустройство, выпал первый небольшой снежок. Это обстоятельство порадовало: хоть какая-то поддержка с небес – по снегу будет хорошо видна картина обитания зверей. Будем сами изучать звериные следы, ведь на собак надеяться было ещё рано. А за только-только начала белку искать и облаивать. Миша привёз с собой рослого кобеля породы западносибирская лайка абсолютно белой масти по кличке Загря. Этот «акселерат» вообще находился в той стадии юношеского щенячьего развития, что всерьёз принимать его как охотничью собаку не приходилось.

Миша по натуре был человеком доброжелательным, абсолютно бескорыстным, как я потом убедился, с тонким чувством юмора. В нём сочетались лёгкая человеческая простота и какая-то серьёзная вездвидная интеллигентность. Иногда он ударялся в философские размышления по какому-то поводу, а другой раз откровенно дурачился, забавляясь со своей собакой или задавая мне откровенно нелепые вопросы, будто испытывая меня на эрудицию. Имел странную особенность, которую я впоследствии ни у кого больше не замечал: для любимых ему существ, в первую очередь собак, он находил ласкательные имена (не клички), совершенно далёкие от сути. Так своего Загрю он часто величал Плесенью. Слышно было, когда шёл кормить собаку, звал:

– Плесень, ко мне. Кушай, дорогой, но не подавись.

Как-то ещё его называл, но больше запомнилась «Плесень». И в его голосе не чувствовалась издёвка или надменность, а скорее уважение с чуть заметным снисхождением. Просто он нашёл такую форму выражения любви.

Меня он тоже «приласкал»: почему-то стал называть меня Слоном. Почему «Слон», я так и не понял. Но отнёсся к его причудам спокойно, абсолютно было необидно и даже чуть смешно. За зиму я привык к его нечаянным словам, например:

– Слон, закурим?

Я реагировал на них наравне со своим именем, которым он меня всё же иногда величал.

Ещё он чем-то мне напоминал в профиль Пушкина, поэта нашего знаменитого. Прямой, острый нос с выдающимися ноздрями, густые чёрные брови, а главное – шикарные бакенбарды, опускающиеся почти до середины щёк. Может быть, они больше всего и придавали схожести с великим поэтом. Миша, правда, стихи не писал, по крайней мере, мне об этом было неизвестно.

Два дня мы обследовали уголья. В ближайших урочищах могли уже свободно обходиться без компаса и карты. Надо сказать, Михаил неплохо ориентировался в лесу и довольно уверенно чувствовал себя: не плутал, когда приходилось разойтись. Он был начитанным парнем. Много из книг знал о таёжных обитателях. И теперь уже не терял попусту времени для разгадывания таёжных ребусов. Практику он осваивал легко. Вот только со стрельбой неважно выходило. Всё-таки мелковат калибр: приноравливаться надо, какими патронами, какой дробью лучше. Но на рябчика и белочку потянет.

У меня в этом плане было предпочтительнее – ижевская бескурковая двустволка 16 калибра. Мне уже удалось добыть около десятка рябчиков. Да Аза расстаралась: двух белок хорошо показала, удалось добыть кое-как. Дело в том, что с выпадением снега в высоких кедр-рачах её не просто взять – белка начинает таиться. Около десятка патронов в азарте сжёг на обеих. Больше стрелял по густому лапнику, чтобы стронуть, шевельнуть, после чего пытался увидеть её и удачно выстрелить. Вообще, белку добывать лучше вдвоём с напарником. В кедр-рачах собаке легче найти белку, чем потом охотнику добыть её. Поэтому и сподручно вдвоём: один по стволу колом шебаршит или постукивает, а другой со стороны выглядывает. Белка не любит шорох по стволу, воспринимает это так, будто кто лезет на дерево, и начинает волноваться, выдаёт себя. А тут и второй охотник пригодился – засёк её. Дальше всё зависит от меткости стрелка. Мы с Мишей первые дни пробовали это практиковать, но он никак не мог подобрать нужный заряд к своему ружью. Стрелял пока безрезультатно. Пришлось мне брать на себя роль стрелка. К тому же Загря оставался равнодушным к этой охоте. В итоге – не прижилось. Да, если честно, не хотелось на белке заострять внимание. Думалось, невыгодное это занятие. Хотя я уже знал из рассказов бывалых, что в урожайные годы промысловики добывали до трёхсот-четырёхсот штук. Но, на любителя. А вообще, в тайге, где водился соболь, большее внимание уделялось этому ценному зверьку.

Всё равно я радовался этому малому, но трудному успеху, и своему, и своей собаке, которая загорелась на глазах, рвалась в тайгу – она почувствовала азарт и увлеклась поиском белок. В ней зашевелился охотничий инстинкт. Уже хотелось что-нибудь серьёзнее добыть, но пока не удавалось – глухарь близко не подпускал. Иногда только по шуму крыльев было слышно, что спугнули – собака метнётся, да поздно. Следы соболя попадались, но собака по нему ещё «не проснулась» и не проявляла особой заинтересованности к этому зверьку. Пока хозяин идёт по следу, и собака идёт. Я сошёл – она бросает. Иногда видели следы маралов, которые начали мигрировать в высокогорья. Часто встречались и лосиные переходы. Загря к копытным проявил большую заинтересованность, чем к мелочёвке. Однажды, почуяв близость лося, ушёл по следу, утянув за собой и Азу. Мы с Мишей ждали в напряжении, в надежде услышать голос собак. Они не заставили себя долго ждать: через десять минут услышали звучный басовитый голос Загри и хриплый, едва слышимый – Азы. Мы подхватились бегом в гору. Пули были припасены на крайний случай. Начальник участка дал добро на добычу этих рогатых и обещал обеспечить лицензиями. Но не добежали до «заветной мечты любого хозяина», когда его собака остановит крупного зверя. Наши собаки уже возвращались, не сумев по неопытности удержать сохатого.

Мы бродили по тайге, упиваясь свободой, ограниченной разве что рамками собственных физических возможностей, наслаждаясь красотой алтайской тайги, поглощая всё новое и новое пространство этой неизвестной ещё земли. И радовало, что никто нам не мешает, что правильно мы поступили, согласившись на самостоятельную практику. Не было слышно чужих выстрелов, не было видно и чужих человеческих следов.

На третий день мы решили пойти по первоначальному маршруту, но углубиться дальше и выйти на круг к зимовью уже новым следом.

Погода стояла пока относительно тёплая, без заморозков, и недавно выпавший первый снежок местами утратил свою белизну и вновь приоткрыл бурю травку и жухлую листву.

Следы уже трудно было отличить по свежести, но ещё неплохо просматривались на подтаявшем снегу.

Пройдя всего около километра от избушки, неожиданно наткнулись на следы, похожие на следы охотника, обутого в местные алтайские ичиги из самодельно выделанной лосиной кожи, но без подошвы.

– Вот тебе и свободный участок! – с разочарованием в голосе проговорил я. – Только вчера радовались, что никто не ходит, не мешает. А тут, посмотри, в такую даль кто-то забрался. Наверное, браконьер какой-нибудь. А, Миш? Как думаешь? Похоже, из коренных.

– Ну что же, им тоже надо охотиться. Они у себя дома. Ермолин говорил, что вон за тем перевалом, километрах в двадцати отсюда, посёлок есть. Почти одни коренные алтайцы живут. Наверное, оттуда пришёл – для них это не расстояние, – рассудил Миша.

На этом и успокоились, пошли дальше. Возвращались не так уж и поздно, часа два до сумерек ещё. Выходили к избушке с востока, почти в полутора километрах от утренних следов. Но и тут мы наткнулись на эти же странные следы.

– Вот чёрт! Натоптал вокруг. Что ему тут надо? Что-то вокруг нашего зимовья крутит? Как-то странно, вовсе он не похож на добродушных алтайцев, – рассуждали мы. – Надо по следам пройти, пока видно.

– Смотри, Миш, собаки что-то хвосты прижали и осторожно идут по следу, нюхаются. К чужому человеку что ли так относятся, – в недоумении проговорил я, поёжившись. Как-то неуютно мне стало. – Что же это за ерунда?

– Снежный человек это прошёл, дружище, – развеселился от мелькнувшей догадки Миша, – вот собаки и трусят. Я читал, на Алтае экспедиция работала по поиску снежного человека. Якобы следы тоже видели, – уже серьёзнее проговорил напарник, начиная верить в собственную фантазию.

– Миша, надо фотоаппарат принести, у тебя же есть в мешке. Глядишь, и в историю напишут как первых очевидцев, – поддержал шуточную версию и я.

Мы шли по следу всё дальше, рассуждая на эту тему и никак не вникая в другую: может быть, это не человек вовсе прошёл. И даже пули в стволы не загнули. Вот уж воистину наивные лопухи! Так прошли несколько сотен метров. След то пропадал на растаявшем снегу, то вновь проявлялся в гуще тёмного леса. Впереди наш путь преградила валежина – след вёл через неё. Мы сунулись также через неё, не отходя далеко, чтоб не сбиться. Вдруг я увидел некоторую странность в этих следах, наклонился к стволу упавшего дерева и стал внимательно рассматривать. На подтаявшем снегу, сохранившемся на стволе, я увидел чёткий отпечаток когтей.

– Миша, медведь! – почти закричал я, но тут же перешёл на полусёпот. – Это же медведь, чёрт возьми, а не человек в ичигах! Смотри, когти видны. Ну и лапища у него! А я думаю: алтаец-то косолапый какой-то! Прошёл-то он недавно – наверное, на берлогу пошёл. Догнать можно. Может, рискнём, а, Миш? – разжигал я сам себя.

Со стороны, наверное, было видно, что я хорохорился, а внутри поджилки тряслись. Но и азарт уже захлёстывал, овладевал разумом. Моё настроение передалось Мишке, будто не медведь громадный шёл впереди. Однако в нём неожиданно сказала неизвестно откуда взявшаяся уверенность бывалого охотника. Он закурил, прищурился от дыма и рассудительно произнёс:

– Только помощник из меня с этой пукалкой несерьёзный, да и время уже к вечеру клонит. А вообще, я был бы не против узнать, что это такое – охота на медведя. Давай на завтра отложим, может быть, не уйдёт далеко.

Миша своей рассудительностью остудил немного мой пыл. Против такой железной логики трудно возражать.

Утром, чуть свет, быстро перекусив и собрав рюкзачок, собрались вдогонку. Накануне подзарядили пулевых патронов для Мишкиной одностволки. У нас была такая решимость, что все сомнения отметались сразу. Подумалось: «Из бывалых медвежатников и то не каждый, наверное, так уверенно себя чувствует, преследуя медведя». А мы, два молодца, скорее от абсолютной неопытности, как глупые щенята, ещё не зная ни малейшего страха от встречи с медведем, уже через полчаса стояли на вчерашнем следу, в том месте, где накануне его оставили. Решили покурить, «обмозговать» план действий, тем самым невольно сбив с себя излишнюю прыть. Насладившись и слегка успокоившись, тронулись по следу, который местами хорошо был замечен, благо, что чуть подморозило. Временами нужно было очень тщательно вглядываться, чтобы увидеть отпечатки, порой возвращаясь на несколько шагов назад. На собак рассчитывать особо не приходилось, хотя они иногда и указывали своим видом: приподнятой шерстью на загривке, опущенными хвостами, осторожными трусоватыми шажками и частым принюхиванием – зверь прошёл здесь. В молодых собаках, в отличие от их хозяев, инстинкт самосохранения явно преобладал над охотничьим.

Вскоре мы обратили внимание, что забрели уже в незнакомое урочище. Я, на правах более опытного, шёл впереди, двигаясь уже не спеша, внимательно вглядываясь в чащу и часто прислушиваясь. Мне понятно было, что за истекшие сутки зверь мог уйти далеко, но неизвестность всё-таки настораживала, в голове витала мысль, что косопалый мог где-то рядом уже и залечь. По моему мнению, место для берлоги здесь вполне подходящее: замечен был небольшой склон на солнечную сторону, часто встречались валежины с большими корневыми выворотнями и воронками от них. Но у хозяина тайги, видимо, на этот счёт был свой план. Его следы вели вперёд и вперёд, практически в одном направлении. Медведь шёл спокойно и размеренно, не отвлекаясь ни на что.

Тем временем под ногами у нас слегка похрустывало – под утро стало прохладнее, оттого талый снег подстыл – создавалось много шума. Это обстоятельство также слегка убавило прыти. Решили немного переждать, чтоб слегка обмякло и снег перестал «греметь». Выбрали валежину посуше, присели, закурили.

– Далеко уже ушли, а он всё топает и топает, будто на юг собрался, – посетовал я. – И чем ему здесь место не нравится? Думаю, если через пару километров не достанем, придётся бросать. Как ты, Миш? – обратился я к другу.

Миша расплылся в хитрой улыбке, соображал, признаться или нет:

– Честно говоря, мне что-то расхотелось. Да я с самого начала не уверен был, зачем нам это надо. Опять же, если логически рассудить: вот, допустим, подстрелим мы его, а дальше что? Куда мясо девать? Тепло ведь ещё, испортим. А потом, мы одни ведь в тайге, и, если что-то пойдёт не так, никто не поможет. Полезно думать! – заключил Мишка почти торжественно.

Я смотрел с удивлением на своего напарника: мы уже второй год учились вместе, но впервые увидел его таким. Раньше он казался бесшабашным авантюристом, искателем приключений. Я был старше года на два, но сейчас вдруг почувствовал, что друг обошёл меня в мудрости сегодня.

– А и то верно! Это в лучшем случае. А в худшем, как бы не поменяться нам ролями с медведем, с нашим-то опытом, – пришлось согласиться мне. – Вовремя мы с тобой тормознулись. Правильно, надо думать больше. Бог с ним, пусть живёт. Может, когда-нибудь доведётся потягаться с медведем, какие наши годы! – произнёс я в заключение, от чего почувствовал облегчение на душе от принятого решения и в то же время разочарование от неисполненной, мгновенно захлестнувшей мечты – добыть такой желанный трофей. Адреналин, до этого бушевавший в крови, незаметно иссяк и превратился в какую-то сладостную истому. Сразу захотелось пить.

Время перевалило за полдень. Сам Бог велел разводять костёр и кипятить чай. Но для этого нужно было найти хоть какой-то источник воды. Пришлось потратить ещё около часа,

пока не обнаружили сырую мочажину, образующую небольшое болотце, на краю которого возлежал огромный гладкий валун. И будто под тяжестью этого исполина из болотца вытекал тонкой струйкой ручеёк, сразу же ныряя вниз и возрождаясь невдалеке по склону уже заметным и журчащим по камешкам ручьём.

Пока перекусывали, определились по карте и компасу с местоположением и наметили дальнейший путь. Решили спуститься далее по склону к виднеющемуся внизу неглубокому распадку, который, судя по карте, должен вывести к долине речки Яндач, примерно к тому месту, где выгружались. А там рукой подать и до зимовья. По времени должны успеть к темноте.

Двигаясь по следу и сосредоточив весь свой интерес на нём, я почти не обращал внимания на окружающую местность. И вот теперь, когда внутреннее напряжение улетучилось, я обнаружил, что находимся мы на довольно высоком и открытом плоскогорье, устланном мхом и черничником с густыми зарослями шиповника и черёмушника. Я обнаружил здесь уже знакомый мне маралий корень. Редкие раскидистые кедры вперемежку с отдельными елями и пихтой не мешали разглядывать распротёршиеся внизу склоны. А далее на юго-восток просматривались в синеве уже высокие массивные горы с редкими, но ярко выраженными белыми гольцами. Где-то там было начало реки Большой Абакан, была Хакасия. Меньше месяца прошло с тех пор, как мы с Володей путешествовали в тех далях. Об этом приключении я ещё не рассказал Мише – как-то не довелось – для этого впереди было времени предостаточно. Приятные воспоминания нахлынули на меня, нахлынуло любопытство: как там Матёрый, где Игорь? Как у них складываются дела?

Погода выдалась сегодня удачная для путешествий: в меру тёплое по-осеннему солнце уже было на полпути к западу, ещё приятно ласкало кожу и не отпускало с этой поляны. Уже выкурено по второй сигарете и нагрелся пенёчек под мягким местом. Я догадывался, что не один испытывал некое блаженство от гостеприимства горной тайги – каждый из нас не хотел первым прервать это наслаждение. Но оба одновременно вдруг услышали лай собак где-то внизу по склону, по которому мы и намеревались возвращаться. До этого я и не заметил, что собак рядом нет и как давно они где-то «шарахались».

Мы подхватились, закидывая на ходу за плечи рюкзаки, взяв ружья наизготовку. Склон не был крутым, так что можно было почти бежать на голос собак. Впервые я услышал такой лай Загри – громко и злобно, почти без интервала. Аза вторила ему глухо и редко. Что там могло быть, какого зверя они обнаружили? Почему-то воображение рисовало в первую очередь медведя. Мысли роем вертелись в голове. Впереди открывалась небольшая полянка, оттуда и слышна была возня, какое-то урчание, всхрапывание или сопение, иногда треск сучьев, и видно было мелькание Загри – он то метался по краю поляны, то углублялся в лес, как бы показывая, где находится объект их беспокойства. Аза по-прежнему лаяла глухо, почти хрипя, где-то на одном месте и не показываясь. Всё так же было непонятно, что за зверя взяли они в оборот. По голосу, по темпераменту я ещё не научился распознавать. Стоя на противоположном краю поляны, мы спешно прикидывали, как действовать. Решили: Миша будет осторожно подходить вдоль левого края поляны, а затем ждать, не заходя в чашу. Я буду обходить справа и постараюсь углубиться в лес, чтоб понять, что там происходит. По возможности, конечно, стрелять. Загря, увидев хозяина, ещё более осмелел, заголосил пуще, снова сунулся в чашобу. Меня разрывало просто на части от любопытства и непонимания, как правильно вести себя. Едва удерживался от желания быстрее бежать в ту сторону, в гущу событий, понимая, что так можно только навредить и спугнуть зверя. Осторожно, но стремительно, как мне казалось, преодолел метров пятьдесят, вглядываясь в глубину леса. Неожиданно краем глаза слева увидел движение: что-то шевельнулось совсем не там, куда вглядывался. Открылась сразу вся картина: в том месте, где поляна смыкалась деревьями и кустарником, заметен был небольшой крутой обрывчик, у его основания торчал откуда-то из-под земли хвост Азы. Я закричал Мише, чтоб

шёл сюда, уже почти догадываясь, в чём дело. Вдвоём мы ухватились за задние ноги собаки и потянули наружу. Аза уже не лаяла, а только молча сопела сквозь сжатые челюсти, но почти не подавалась из норы. Боясь причинить ей боль, напряглись ещё. Наконец показалась голова собаки, а вместе с ней мы увидели серебристо-серый загривок зверя. Тут и Загря подскочил, схватил барсука (это был некрупный молодой барсучок), вырвал из пасти Азы и в буквальном смысле задавил уступающего ему в несколько раз по размеру зверька. В считанные минуты всё было кончено. Мише с трудом удалось отобрать добычу у собаки, применяя при этом тот лексикон, который и собаки понимают не хуже людей. Подействовало. Ну что же, и это добыча: барсучье мясо считалось неплохим деликатесом, если грамотно к этому подойти. А сало ещё как может пригодиться нам при простуде. Мы оба были довольны таким исходом, не пришлось даже ружья применять. А как порадовали собачки! По сути, это их первая серьёзная добыча, их первое боевое крещение. И ничего, что всего лишь молодой барсук – всё начинается с малого. Главное – у них проснулся охотничий азарт. А у нас появилась большая надежда на своих питомцев.

подавив в себе приступы эйфории в предвкушении сытного и вкусного, а главное – необыкновенного, ужина, полные оптимизма и веры в удачу, мы бодро двинулись вниз по распадку к речке. Собачки, всё ещё возбуждённые, радостно играючи, с лаем рванули вперёд, показывая неуёмную готовность найти и подарить хозяевам любого зверя, который попадётся на их пути.

Вот с такого, в общем, небольшого, приключения и начали мы осваивать охотничье-промысловую науку в глубине Горно-Алтайской тайги.

3

В числе первоочередных задач у нас в планах числилась ещё одна: до наступления большого снежного покрова мы должны были сходить в верховье реки Тогуна и найти вторую избушку, километрах в десяти от зимовья. Когда Ермолин перед отъездом наставлял нас на промысел, упомянул об этом пристанище. Она может нам сгодиться при устройстве путиков.

В один из дней мы с Мишей тронулись в путь, захватив небольшой запас консервов, вермишели, крупы и сахара, а также банку с керосином и свечками. Путь наш лежал по узкой возвышенной полоске леса, разделяющей болото и пойму реки. Болото это начиналось от нашего зимовья и простиралось на три километра в длину. От центра к краям оно было практически чистым от деревьев и кустарника, только ближе к кромкам заросло мелким осинником, ивняком, ольховником и всяким кустарником. По другую сторону от нас, примерно в двух километрах, начиналась гряда темнохвойного леса, плавно уходящая вверх по пологому склону. И уже дальше она упиралась в каменные кручи, поросшие кедровым стлаником, пихтачом и ельником.

Температура была немного ниже нуля. Ночью шёл снег – по свежей пороше нога ступала мягко и бесшумно. Лишь изредка чавкала под ногами грязь, если нечаянно попадал кто-то из нас в незастывшую лужу. Собаки резво и радостно носились по лесу. Их так же, как и нас, радовала перспектива нового путешествия по угольям – каждый новый выход приносил им новые познания. Аза уже довольно легко находила белку. Загря неохотно присоединялся к облаиванию: подбежит на голос Азы, выяснит ситуацию, «вякнет» пару раз и отваливает с таким видом, что «не царское, мол, это дело – с белками связываться». Далее искал свой интерес самостоятельно.

Два дня назад Аза загнала на наклонившееся дерево какого-то тёмного зверька, крупнее белки. Он не ушёл далеко в крону и был хорошо виден. Мы с Мишей вначале не могли понять, что это за зверь такой. Конечно, сердце моё ёкнуло от мысли, что наконец-то собака соболошку загнала. Но через минуту сообразили, что это американская норка.

Сегодня наши собаки ещё не нарушили тишины заснеженного леса: тщательно обыскивая округу, бегали пока молча. Да и следов на снегу практически не наблюдалось – после свежей пороши зверьё, видимо, переждало «перенову» в окружающей обстановке, не решаясь выдать следами своего присутствия. Птицы же, напротив, радовались такой погоде: крупный чёрный дятел-желна, выискивая короедов, обследовал деревья и сопровождал нас почти весь путь своим протяжным мяукающим голосом. Мелкие птахи, поползни и синички, сновали по стволам и веткам деревьев, тоже находили свой корм. Сопровождали нас также и любопытные ронжи, мелькая ярким пёстро-коричневым оперением меж деревьями. Часто вспугивали кормящихся на берёзах рябчиков, но собаки не позволяли нам даже приблизиться к ним – разгоняли своим внезапным шумным появлением.

Скучная снежная целина хорошего настроения не придавала. Такая обстановка наводила меня на такие же скучные философские размышления – не было необходимости заострять внимание на чём-то серьёзном и материальном. Мой друг тоже шёл молча и сосредоточенно о чём-то думал. Показалось, что Мише, как и мне, начинало уже наскучивать такое однообразие в нашем походе. Оба мы были большие романтики. По этой причине, а отчасти, в силу своей молодости и кипучей энергии, нам хотелось, чтобы каждый день преподносил нам чего-то нового, интересного и необычного. Хотелось больше встреч со зверями и птицами, разнообразия следов на снегу – пока что это служило индикатором нашего настроения и оптимизма. Нет, мы не жаждали крови, не ради выстрела мечтали чаще видеть зверушек и птиц. Наверное, не хватало остроты ощущений, ведь всё-таки в глухой тайге живём, за много километров от жилья. И не так уж достаточно времени нам отпущено, чтобы успеть увидеть многое.

Я догадывался, что кроме всего прочего сказывалось отсутствие той охотничьей сноровки и опыта, которые делают человека уверенным, спокойным и последовательным в таёжной жизни. А она не терпит суеты и спешки. Опытный таёжник не ищет приключений, наоборот, он старается их избегать, заранее просчитывая свои силы и возможности. Успех его зависит от настойчивости, самоотдачи, терпения и от большого физического труда. Конечно, всегда присутствует какая-то доля удачи в этом, и случайность можно отнести к простому везению. Много на охотничьей тропе происходит случайных встреч с разным зверем, а бывает, что и с людьми разными. Конечно, мы не собирались отсиживаться в зимовье: не для этого сюда приехали – а значит, нам обязательно повезёт с такими моментами здесь, на практике. А что ждало нас в далёком будущем, на жизненном пути, мы представить не могли. Но сейчас ни я, ни мой друг об этом не задумывались...

Внезапно ход моих мыслей прервался. Я рассеянно смотрел вперёд и не мог понять: в самом деле я вижу лося или это плод моего воображения. Только что я думал именно об этом, о случайных встречах на лесной тропе, и... на тебе, сбылось! Мистика какая-то. Несколько секунд, а может, и минут, длилось моё оцепенение. Вывел из него Миша:

– Чего встал, Слон? – проговорил он.

Вот тут я мгновенно среагировал и, резко повернувшись к нему, прошептал:

– Тихо! Лось! – приседая и показывая делать так же, снова зашептал. – Собак... собак надо поймать. Только как можно тише.

Расстояние до лося было, по моему предположению, не менее трёхсот метров. Он стоял и обкусывал ветки молодой осинки. Вероятно, из-за этого не услышал нас – увлёкся едой. На наше счастье, обе собаки, увидев наше необычное поведение, подбежали к нам – без проблем удалось прицепить их на поводки. Шёпотом обмозговали план действий: решили попытаться счастья в лосиной охоте, тем более что Ермолин на это нас «благословил». Ничего не оставалось, как открыто подкрадываться к сохатому, лишь маскируясь за отдельными кустиками и болотными кочками. Придётся пожертвовать одеждой – была вероятность вымокнуть. Лично я готов был пойти на это. Для Миши выбрали другую задачу: он с собаками на поводке обойдёт лесочком лося и попытается «толкнуть» его на меня.

Я почувствовал прилив адреналина – такое же чувство когда-то испытал при охоте с алтайцами на марала. У меня по-настоящему дрожали руки, зуб на зуб не попадал, словно я промёрз насквозь. Миша, держа ещё ничего не подозревавших собак, осторожно углубился в чащу и пропал из виду. Я, не шелохнувшись, сидел на корточках и наблюдал за лосём. Тот продолжал спокойно кормиться, переходя от одного куста к другому, слегка удаляясь от меня. Изредка внезапно замирал и, поводя своими ушами-локаторами, вслушивался. Не обнаружив ничего подозрительного, вновь принимался за трапезу. Прошло около двадцати томительных минут. Мне уже трудно было сдерживать себя, видя, как сохатый постепенно увеличивает расстояние между нами. Вот тут и сказалось отсутствие опыта и нехватка терпения. Не дождав-шись, когда мой напарник зайдёт в тыл зверю и стронет его на меня, я решил действовать самостоятельно. Осторожно, стараясь не создавать шума от чавканья сапог в болоте, пригнувшись и прячась за кустиками, начал подход к лосю. Медленно, метр за метром я сокращал расстояние, строго следя за поведением сохатого. Его, по-прежнему, пока ничего не настораживало. Уже прошло около получаса с момента, когда я тронулся с места. Расстояние заметно сократилось, но для верного выстрела было ещё далеко. Подумал: «Миша где-то запропастился – наверное, не сориентировался толком и заложил большой круг». Несколько раз на грани выдержки я прикладывался к ружью, прицеливался, оценивая расстояние, но выстрелить не решался. Чувствовал, что ещё требуется подойти ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.